

33

РЕФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Г. Тарда.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание В. И. ГУБИНСКАГО.

1899.

100 стр. (19 x 11), 1 б., 1 ч. 7. Смотр. даль.

Почтамтская экспедиция

РЕФОРМА

ПОШТАЛЬСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

Дозволено цензурою. 17 Сентября 1898 г. С.-Петербургъ.

Типографія Князя В. П. Мещерскаго, Спасская, 27.

Общія идеи Тарда и связь ихъ съ предлагаемымъ здѣсь экономическимъ этюдомъ.

(ПОЯСНИТЕЛЬНОЕ ВВЕДЕНІЕ).

Для правильного пониманія предлагаемаго нами этюда Тарда, читатель долженъ внимательно просмотрѣть наше введеніе, безъ котораго ему будутъ не достаточно понятны термины, употребляемые авторомъ. Они стоятъ въ тѣсной связи съ его оригинальной философской и социологической системой; безъ нѣкотораго знакомства съ этой системой невозможно, конечно, понять ея отдѣльную часть.

Между тѣмъ, эта часть, избранная нами, имѣетъ существенный интересъ: она вноситъ въ экономическія воззрѣнія совершенно оригинальный взглядъ, весьма отличающійся какъ отъ господствующаго теперь, такъ и отъ господствовавшихъ прежде взглядовъ.

Какъ извѣстно каждому даже поверхностно знакомому съ политической экономіей, ея краеугольнымъ камнемъ является понятіе о *цѣнности* предметовъ (или услугъ, т. е. работы). Отъ чего зависитъ цѣнность? Вотъ вопросы, которые въ разныя эпохи рѣшались различно, отражая преобладающіе интересы и стремленія различныхъ эпохъ и общественныхъ классовъ. И понятно почему: вѣдь, если, напр., источникъ цѣнности

(а слѣдовательно, и богатства) лежитъ въ землѣ и земледѣліи, то требуется покровительствовать землѣ и земледѣлію; если цѣнность въ капиталѣ, то капиталъ требуетъ себѣ выдающагося положенія, покровительства закона и даже морали; если источникъ цѣнности трудъ,—какъ думаетъ большинство экономистовъ нашей эпохи,—то труду должно быть отведено первое мѣсто въ нашихъ заботахъ...

И, въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти точки зрѣнія пережила политическая экономія, системы которой носили болѣе или менѣе различный характеръ, смотря по тому, какой основной источникъ она видѣла у цѣнности. Такъ, каждому читателю, знакомому, хотя-бы по журнальнымъ статьямъ, съ экономическими вопросами, приходилось встрѣчать выраженіе «буржуазная политическая экономія». Этотъ терминъ особенно часто употребляется въ послѣднія десятилѣтія, послѣ того какъ Карлъ Марксъ развилъ экономическую систему, построенную на идеѣ Родбертуса, признающей источникомъ цѣнности трудъ, какъ простую (конечно, производительную) трату мускульной и нервной силы. Система Маркса,—само собою понятно,—ставитъ во главѣ экономическихъ факторовъ рабочее сословіе, а потому естественно противопоставляетъ себя буржуазной экономіи: эта послѣдняя видѣла главный источникъ цѣнности въ капиталѣ, накопленіи, сбереженіи, а потому считала главными факторами въ экономической области—капиталистовъ (буржуазію).

Тардъ дѣлаетъ оригинальный шагъ впередъ, котораго можно было ожидать а priori: онъ выступаетъ на защиту умственного труда, который и выдвигаетъ впередъ, сравнительно со всѣми другими факторами производства и цѣнности. Онъ доказываетъ, что богатство націй состоитъ не изъ тѣхъ предметовъ, которые сбережены и образуютъ, такъ называемый, капиталъ (предметы, назначенные на дальнѣйшее производство,—по опредѣленію теперешней политической экономіи). Эти запасенные предметы, во 1-хъ, могутъ въ любой данный моментъ потерять всякую цѣнность (напр., запасы каменнаго угля потеряли-бы всякую цѣнность, если-бы былъ изобрѣтенъ такой новый источникъ теплоты, который развивалъ-бы гораздо большее количество

теплоты при значительно меньшихъ издержкахъ добыванія или производства); во 2-хъ, ссылаясь на Джона Стюарта Милля, онъ показываетъ, что опытъ исторіи научилъ насъ, какъ быстро можетъ возобновляться утраченный капиталъ, напр., послѣ разрушительной войны и т. п. *).

Но, въ такомъ случаѣ, не трудъ-ли является источникомъ богатства? Не онъ-ли быстро возстановляетъ утраченныя цѣнности?

Нѣтъ, говоритъ Тардъ: вообразите себѣ, что какая нибудь катастрофа разрушила-бы не только запасенные предметы, но и всякую память о тѣхъ *изобрѣтеніяхъ*, которыя примѣняются при всякомъ производствѣ. Вообразите, что забыты не только современные машины, не только современная технологическая химія etc, etc., но и всѣ орудія (игла, плугъ, заступъ, молотокъ, пила, мельница, ткацкій станокъ, веретено etc.), которыя, — какъ они теперь ни кажутся намъ просты, архаичны и даже не годны, — были когда-то изобрѣтеніями... Если ваше воображеніе способно представить эту картину, то вы поймете, что быстрое воспроизведеніе капитала и вообще предметовъ потребленія зависитъ, главнымъ образомъ, не отъ самаго капитала и не отъ простого труда чернорабочаго или физическаго работника, а отъ всей суммы прежнихъ открытій или изобрѣтеній, составлявшихъ и составляющихъ продукты *умственного* труда или, — говоря ближе къ понятіямъ Тарда, — продукты *изобрѣтательности*.

Надо замѣтить, что, по теоріямъ Тарда, излагавшимся имъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ различныхъ сочиненіяхъ, вся общественная жизнь строится двумя факторами: *изобрѣтеніемъ* и *подражаніемъ*. Всѣ наши не только дѣйствія, но и мысли, чувствованія, наше право, мораль, философія, обычаи, приличія, наши формы общенія, союзы, ассоціаціи, наше раздѣленіе труда и формы вознагражденія за трудъ или распредѣленія богатствъ, приемы искусства, какъ и приемы

*) Классическіе примѣры — Россія послѣ нашествія 1812 г. и Франція послѣ погрома нѣмцами.

простого труда, высшіе идеалы, какъ и маленькія жизненные цѣли, все было когда то предметомъ чьего-либо изобрѣтенія, воспринятаго мало-по-малу и распространеннаго подражаніемъ. Когда въ первый разъ, выдающійся умъ придумалъ для себя правило раздѣлять свою работу съ другими, или обмѣниваться съ другимъ тѣмъ, что ему легче произвести, чѣмъ другому, беря взаменъ отъ этого другого то, что легче произвести тому, — когда выдающійся умъ пришелъ къ выводу, что полезнѣе вести свои дѣла честно, исполняя свои обѣщанія, чѣмъ обманывать, и т. д., и т. д., это были такія-же изобрѣтенія (экономическія, моральныя), какъ и то, когда примитивный геній изобрѣлъ лыжи, полозья, а закругливъ полозья, сдѣлалъ колесо, затѣмъ телѣгу, изъ которой потомъ вышелъ вагонъ, пароходъ и т. п. Каждое новое изобрѣтеніе есть всегда примѣненіе какого либо стараго, иногда брошеннаго, придающее ему новую цѣнность и уменьшающее или уничтожающее цѣнность какого нибудь прежняго изобрѣтенія.

Такимъ образомъ, производительность страны, а стало быть и ея богатство, зависятъ отъ изобрѣтательности (тѣсно связанной, очевидно, съ знаніями всего уже изобрѣтеннаго и открытаго) и во 2-хъ отъ переимчивости, способности подражанія, что несомнѣнно связано также съ извѣстной степенью знаній, культурности и т. п.

Итакъ, истинный капиталъ націй, это — изобрѣтенія. Трудъ же, особенно трудъ физическій, есть только актъ *подражанія*: работникъ только воспроизводитъ то, что придумано ранѣе другимъ или другими, воспроизводитъ до мелочей не только предметъ, но и всѣ пріемы его производства. Капиталъ, насколько онъ поддерживаетъ или направляетъ въ этомъ смыслѣ работника, является также только факторомъ подражательности.

Но эта часть идей Гарда сравнительно болѣе проста и понятна, разъ намъ извѣстна основная точка зрѣнія его на главные условія общественной жизни.

Нѣсколько большую сложность представляетъ его теорія о существованіи въ обществѣ особенной *логики*, именно *общественной логики*, отличающейся отъ индивидуальной, — и осо-

бенной *телеологии* (или согласованія средствъ съ цѣлью), *телеологии общественной*, отличающейся отъ индивидуальной телеологии.

Пояснимъ эти термины, съ которыми читателю придется имѣть дѣло въ предлагаемомъ этюдѣ, составляющемъ одну изъ главъ обширнаго трактата «Логика Общества» («La logique Sociale»). Въ первой главѣ этого трактата, Тардъ старается показать незамѣчавшуюся до сихъ поръ связь логики не только съ психологіей, но и съ наукой объ обществахъ. Его основныя положенія, высказанныя въ первый разъ еще въ 1880 г., въ «Revue Philosophique» (за августъ), состоятъ въ слѣдующемъ: 1) За исключеніемъ нѣсколькихъ первичныхъ и неразложимыхъ элементовъ чистаго ощущенія^{*)}, лежащихъ, согласно гипотезъ современной психологіи, подъ наслоеніями непосредственныхъ и *подсознательныхъ* чувственныхъ сужденій, которыя мы почти безразлично называемъ ощущеніями и перцепціями (воспріятіями),—всѣ остальные внутреннія явленія, а слѣдовательно и всѣ явленія соціальныя, являющіяся изъ источника этихъ внутреннихъ явленій,—могутъ быть сведены къ *вѣрованіямъ* (увѣренностямъ) и *желаніямъ*. 2) Вѣрованія и желанія даютъ настоящія *количества*, видоизмѣненія которыхъ, состоящія въ увеличеніи или уменьшеніи, въ положительномъ направленіи или въ отрицательномъ,—способны *измѣряться*, и притомъ измѣряться—какъ въ своихъ проявленіяхъ у индивидуумовъ, такъ еще больше и даже съ большей легкостью въ своихъ общественныхъ проявленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти элементы остаются одними и тѣми же какъ въ различныхъ состояніяхъ одного и того-же индивидуума, такъ и при передачѣ ихъ отъ одного индивидуума къ другому, а потому могутъ вполне законно складываться различными косвенными процессами, напримѣръ, въ индивидуальныхъ переходахъ, процессами *психофизиологическими*, а въ переходахъ отъ одного

^{*)} То, что въ просторѣчій называется ощущеніемъ и даже простымъ ощущеніемъ, есть явленіе сложное,—результатъ безсознательнаго сужденія, вывода, умозаключенія. (См. далѣе).

индивидуума къ другому — *статистически*. — Третье положение, добавочное, состоитъ въ томъ, что желанія всегда имѣютъ объектомъ какую нибудь вѣру (я могу желать только того, въ достиженіе чего или въ существованіе чего, или въ возможность чего я вѣрю). Желанія невозможно себѣ представить отдѣльно отъ вѣры во что нибудь. Между тѣмъ вѣру можно разсматривать отдѣльно отъ желанія.

Нужно-ли пояснять примѣрами, что въ основѣ каждаго воспріятія (перцепціи), называемаго въ обыденной рѣчи ощущеніемъ, лежитъ нѣкоторое утвержденіе или отрицаніе, т. е. сужденіе и, слѣдовательно, извѣстная степень вѣры или увѣренности. Самая способность различать воспоминаемое ощущеніе отъ настоящаго требуетъ бессознательнаго сужденія, утвержденія и отрицанія. Но у Вундта приводятся любопытные опыты, доказывающіе, что, повидимому, самыя простыя ощущенія, какъ напр., ощущеніе краснаго или зеленаго цвѣта, не есть ощущеніе непосредственное, а результатъ умозаключенія, вошедшаго въ привычку, а потому и не замѣчаемаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, сдѣлайте черное пятно на красной бумагѣ и прикройте все вмѣстѣ бѣлой папирсной бумагой. Сквозь эту бумагу черное пятно будетъ вамъ казаться зеленымъ. Продѣлайте тоже на зеленой бумагѣ, и черное пятно будетъ казаться краснымъ *). Подробное объясненіе этого явленія отняло-бы много времени (въ подстрочномъ примѣчаніи оно объяснено кратко). Но присутствіе въ немъ сужденія и притомъ ошибочнаго, основаннаго на бессознательномъ знаніи, т. е. на вѣрѣ или увѣрен-

*) Этотъ опытъ доказываетъ, кромѣ того, и существованіе въ насъ такихъ знаній, которые неизвѣстны сознанію, а именно, въ данномъ случаѣ, знанія того, что бѣлый или сѣрый цвѣтъ состоятъ изъ соединенія краснаго и зеленаго. А именно, видя на розовомъ фонѣ папирсной бумагѣ (если она прикрываетъ красный листъ) пятно, мы бессознательно умозаключаемъ, что его цвѣтъ зависитъ отъ бумаги, подложенной подъ папирсную, а розовый принадлежитъ самой папирсной бумагѣ; но сѣрый цвѣтъ пятна явится отъ присутствія зеленаго на подложенной бумагѣ, а потому мы видимъ не сѣрое, а зеленое пятно. На зеленой бумагѣ — наоборотъ. Или, видя среди зелени листьевъ красную точку, мы *вѣримъ*, что это вишня или слива и т. д. Вспомнимъ, что Милль опредѣлялъ предметы, какъ *возможность ощущенія* (а, значить, какъ вѣру или увѣренность).

ности,—очевидно. Тардь указываетъ болѣ сложный примѣръ, когда мы ѣдемъ по какой нибудь неизвѣстной странѣ и видимъ на горизонтѣ зубцеобразный образъ. Мы заключаемъ, что это—горы. Если въ это время мы замѣтили, что зубцы мѣняются, мы отрицаемъ этотъ первый выводъ и утверждаемъ, что это облака, или миражъ etc. Цѣлые ряды безсознательныхъ умозаключеній изъ безсознательныхъ знаній, полученныхъ когда-то, возникаютъ въ этомъ воспріятіи, которое обыкновенному зрителю кажется простымъ ощущеніемъ горъ или облаковъ или миража и т. п. Но прежде, чѣмъ мы рѣшили это (намъ кажется, что рѣшаетъ нашъ глазъ), мы колеблемся, принимая поочередно то утверженіе, то отрицаніе (то $+$ то $-$) относительно каждаго изъ выводовъ, хотя (замѣчаетъ Тардь) часто элементы для сужденія остаются одни и тѣ же, какъ они остаются одинаковыми для вопроса, напр., о гипнотическомъ внушеніи, относительно существованія котораго умы колеблются между отрицаніемъ и утверженіемъ, слѣдуя то тому, то другому авторитету. Иногда для того, чтобы въ публикѣ явилось отрицаніе какой либо идеи, достаточно, чтобы авторитетъ, при упоминаніи о ней, презрительно пожалъ плечами,—и это является уже достаточнымъ отрицательнымъ *доказательствомъ*, но, конечно, для *вѣры*. Утверженіе и отрицаніе, это какъ-бы два полюса одной и той же силы, но какой-же именно? Что такое лежитъ одинаково и въ утверженіи, и въ отрицаніи, но только съ различными знаками ($+$ или $-$)? Это, конечно, увѣренность или вѣра, имѣющая градаціи въ формѣ—увѣренности, вѣроятности, возможности, сомнѣнія, невозможности, невѣроятности etc.

Но такихъ-же два полюса представляютъ удовольствіе или страданіе, т. е. пріятная или непріятная примѣсь къ ощущеніямъ: по мнѣнію Тарда, тождественно въ нихъ обоихъ—*желаніе* *).

---

*) Едва-ли можно признать безъ оговорокъ этотъ взглядъ Тарда, отчасти напоминающій объясненіе, даваемое удовольствію и страданію Шопенгауеромъ. Съ точки зрѣнія этого послѣдняго, оба эти состоянія происходятъ отъ удовлетворенія или неудовлетворенія *воли* (а слѣдовательно, стремленія, желанія). Но очевидно, что множество болевыхъ ощущеній и

Тардъ приводитъ множество доводовъ въ подтвержденіе своей мысли, что душевная жизнь и ея социальныя проявленія могутъ быть въ концѣ концовъ сведены на вѣрованіе и желаніе. Такъ, напр., языки выражаютъ въ каждомъ словѣ извѣстное понятіе, т. е. вѣрованіе (убѣжденіе). Но въ тоже время каждое слово слагалось какъ желаніе выразить, передать другому свою мысль, свое чувство, намѣреніе и т. д. Но тоже можно сказать и о законахъ, о промышленности, объ искусствахъ... Говоря вообще, нація располагаетъ въ каждый данный моментъ, для удовлетворенія своихъ потребностей (желаній), — языкомъ, религіей, наукой, промышленностью, политическими учрежденіями, законами etc., т. е. опредѣленнымъ бюджетомъ вѣрованій и желаній; въ этомъ бюджетѣ ни одинъ пунктъ не можетъ разростись насчетъ другихъ, по меньшей мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока новые *источники* вѣрованій (понятій, знаній) и желаній, т. е. новыя капитальныя открытія и изобрѣтенія не явятся въ добавленіе къ прежнимъ.

Но политическая экономія научила насъ нѣкоторымъ образомъ дѣлать нѣчто единое и цѣлое изъ всѣхъ желаній, которыя она, правда, изучаетъ не прямо, но въ видѣ *богатствъ*, способныхъ удовлетворить желанія, что сводится почти на то же самое. Для нея все можетъ стать предметомъ оцѣнки, начиная съ зерна и кончая созданіями искусства, начиная съ болѣе или менѣе обезпеченной защиты, даваемой различнымъ интересамъ учрежденіями и нравами страны, и кончая тѣмъ удовлетвореніемъ, какое даютъ истины науки или обѣщанія религіи. Все является ей какъ-бы стоящимъ извѣстной суммы денегъ. Но что-же

ощущеній страданія, какъ и удовольствія, являются и при отсутствіи желанія или стремленія воли. Наоборотъ, желаніе и воля являются *всегда* спутниками удовольствія и страданія, а именно: когда мы испытываемъ боль или неприятное чувство, у насъ является стремленіе и желаніе удалить ихъ и ихъ причину, а удовольствіе и пріятное ощущеніе вызываютъ стремленіе и желаніе удержать ихъ, повторить, вызвать вновь. Итакъ, можно сказать, что удовольствіе и страданіе тѣсно связаны съ желаніемъ, но едва-ли всегда происходятъ отъ желанія.

это значить, какъ не то, что подъ множествомъ разнообразныхъ формъ и разнородныхъ предметовъ имѣется въ основѣ человѣческое желаніе,—единое и тождественное, способное возростать или уменьшаться, какъ всѣ однородныя вещи?

Значить, если вмѣсто слова «богатство», которымъ занимается политическая экономія, изучая его производство, сохраненіе, распредѣленіе и потребление, — мы подставимъ слово «желанія», то увидимъ, что эта наука занимается вторымъ изъ указанныхъ нами элементовъ соціальной жизни. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что она не охватываетъ его всецѣло, и что необходимо дополнять ее *политикой, моралью, правомъ*; совокупность этихъ отраслей, вмѣстѣ съ политической экономіей и составляетъ *соціальную телеологію*. Подъ этимъ послѣднимъ словомъ Тардъ понимаетъ вообще науку о согласіи или, вѣрнѣе, согласованіи средствъ съ цѣлью (желанія и ихъ достиженіе при помощи средствъ, составляющихъ предметъ увѣренности или вѣры).

Такъ какъ всѣ вышеперечисленныя отрасли науки, составляющія отдѣльныя части «соціальной телеологіи», имѣютъ своей общей основой понятіе *цѣльности*, и такъ какъ это понятіе, такъ сказать, захвачено въ свою собственность одной изъ нихъ, политической экономіей, то она и можетъ проявлять стремленіе поглотить другія науки въ этомъ отношеніи. Нѣтъ другой такой науки, которая-бы такъ охватывала различныя вѣтви человѣческой мысли съ одной и той же точки зрѣнія, какъ политическая экономія охватываетъ и сплавляетъ самыя различныя теченія человѣческой *дѣятельности*: деньги есть общая мѣра для различныхъ благъ...

Но какова общая мѣра для различныхъ идей, различныхъ истинъ? Если для дѣятельности существуетъ кругъ наукъ, во главѣ которыхъ стоитъ политическая экономія, то гдѣ наука, охватывающая всевозможныя и разнообразныя теченія, столкновенія, борьбу и побѣду идей въ обществѣ? Такая наука должна существовать, такъ какъ подъ разнообразіемъ умственныхъ теченій ясно чувствуется ихъ единство.

И вотъ, рядомъ съ *общественной телеологіей* должна

стать *соціальная логика*. Если первая, какъ мы видѣли, занята изученіемъ цѣлей (т. е. желаній), то вторая должна заняться всѣми видами идей, понятій, т. е. вѣрованіями или вѣрой. — Но для этого необходимо расширить понятіе логики, введя въ него понятіе и самой нелогичности. II, подобно этому, необходимо расширить и смыслъ слова телеологія: она должна изучать не только согласіе средствъ съ цѣлью, но и не согласіе цѣлей между собою.

Но въ чемъ же состоитъ задача логики и телеологіи, проектируемыхъ Тардомъ?

Задача логики, — какъ индивидуальной, такъ и соціальной, — въ виду массы различныхъ сгруппированныхъ сужденій, раздѣляющихъ между собою сумму вѣрованій одного человѣка или народа, состоитъ прежде всего въ слѣдующемъ: среди этихъ сужденій есть такія, которыя противорѣчатъ другъ другу, есть такія, которыя подтверждаютъ другъ друга, и, наконецъ, есть такія, которыя и не противорѣчатъ взаимно, и не подтверждаютъ другъ друга. II вотъ, логика «должна указать перемѣны, которыя было-бы нужно сдѣлать въ распредѣленіи утвердительныхъ и отрицательныхъ вѣрованій и ихъ различныхъ степеней, между терминами, изъ которыхъ составляются вышеупомянутыя сужденія, — съ тою цѣлью, чтобы устранить ихъ противорѣчія и получить ихъ согласованіе или, по меньшей мѣрѣ, не разногласіе, т. е., чтобы дать возможность тѣмъ дозамъ вѣрованія, которыя заключены въ разныхъ сужденіяхъ, складываться вмѣстѣ безъ вычета и убыли». (Почему это нужно — см. дальше).

Задача же телеологіи, — какъ индивидуальной, такъ и соціальной, — въ виду хаоса тенденцій и хотѣній, представляемыхъ ей отдѣльными личностями или народомъ, тенденцій и хотѣній (или воли), которыя отчасти противорѣчатъ другъ другу, отчасти сходятся взаимно, отчасти же относятся другъ къ другу безразлично, — состоитъ въ томъ, чтобы указать, какимъ образомъ слѣдуетъ распредѣлить желанія, — либо измѣнивъ ихъ знаки (+ или —), т. е. сдѣлавъ изъ желаній, въ собственномъ смыслѣ слова, — отвращенія, и наоборотъ, или-же, измѣнивъ интензив-

ность между различными объектами тенденцій и хотѣній, о которыхъ идетъ дѣло, — для того, чтобы взаимное схождение социальныхъ желаній достигло своего завершения въ общемъ ихъ сводѣ или вершинѣ, причемъ ихъ вычетъ достигалъ-бы возможнаго минимума; иными словами, чтобы *алгебраическая* сумма ихъ давала наивысшее количество». Это необходимо для большаго единства и цѣлесообразности общества.

Итакъ, говоря кратко, цѣль логики—увеличить или укрѣпить, упрочить или упорядочить сумму увѣренностей, а цѣль телеологii—упрочить или упорядочить сумму желаній, а въ то же время и увеличить эту сумму.

Достигается это не только тѣмъ, что мы примиряемъ взаимно противорѣчивыя увѣренности и желанія, объединяя тѣ, которыя могутъ взаимно подкрѣплять и усиливать другъ друга, но и тѣмъ, что мы увеличиваемъ богатство народа, состоящее изъ изобрѣтеній (т. е. новыхъ увѣренностей, прибавляемыхъ къ старымъ) и изъ желаній. Съ перваго раза можетъ показаться страннымъ, что и желанія относятся къ богатству. Но вообразите себѣ пресыщеннаго человѣка среди массы всевозможныхъ предметовъ, именуемыхъ обыкновенно богатствомъ, и вы признаете, что онъ, въ сущности, бѣднѣе всякаго нищаго, если у него нѣтъ желаній. Въ этомъ смыслѣ весьма любопытно также раздѣленіе желаній на двѣ группы: одни желанія служатъ средствами, другія цѣлями: такъ, ремесленникъ производитъ какой нибудь товаръ не для того, что онъ ему желателенъ непосредственно, какъ предметъ потребленія, а для того, чтобы при его обмѣнѣ получить предметы потребленія, желаемыя непосредственно. Въ общественной (да и въ личной) телеологii, весьма важно, чтобы желанія, служащія средствами, имѣли интенсивность пропорціональную желаніямъ, имѣющимъ цѣлью удовлетвореніе; то есть, весьма важно опредѣлить, является ли дѣятельность *производства* выше или ниже спроса, т. е. потребностей соотвѣтственнаго *потребленія*. И это важно знать (во избѣжаніе *перепроизводства*) не только въ области матеріальной производительности, но и въ области умственной производительности. Въ области науки есть также знанія, служащія средствомъ, и есть

знанія, являющіяся цѣлью. Напр., классическіе языки, изучаемые въ гимназіяхъ, введены въ нихъ только какъ средство. Сами по себѣ они не имѣютъ жизненной цѣнности; ихъ цѣнность (предполагаемая) въ подготовкѣ или дисциплинированіи ума для приобрѣтенія знаній или совершенія умственныхъ процессовъ, имѣющихъ непосредственную житейскую цѣнность. Этимъ путемъ можетъ быть рѣшенъ вопросъ, столь часто возбуждавшійся среди нашей интеллигенціи: насколько полезны мелкіе, подготовительные, кропотливые труды ученыхъ, подготовляющихъ не общіе синтетическіе выводы или открытія, а матеріалъ для будущихъ открытій.

Переходя къ перемѣнамъ, какія необходимо сдѣлать въ логику и (параллельно) въ телеологию, Тардъ старается показать, что задача логики двойная, при чемъ на одну половину этой задачи рѣшительно не обращалось вниманія, и разрабатывалась только другая половина. А именно логика брала готовые понятія, выработанныя или принятыя на вѣру людьми (положимъ, — «человѣкъ смертенъ»), и указывала только правильныя сочетанія этихъ положеній (увѣренностей) въ силлогизмы (напр., Сократъ человѣкъ, слѣдовательно, онъ смертенъ). Но не было обращено вниманіе на то, съ *какой степенью энергіи слѣдуетъ утверждать то*, что намъ совѣтуютъ утверждать, и, наоборотъ — отрицать то, что намъ совѣтуютъ отрицать, чтобы не впасть въ противорѣчіе иного рода, чѣмъ противорѣчія, создаваемые ошибочнымъ употребленіемъ силлогизмовъ. Въ этомъ отношеніи, логика должна взять примѣръ съ морали, которая учитъ насъ, въ какой мѣрѣ и съ какой силой мы должны отдаваться тому или другому, рекомендуемому ею, удовольствію, и остерегаться удовольствія, осуждаемаго ею, если мы хотимъ быть вполне послѣдовательными себѣ самимъ и расходовать энергію нашихъ усилій, употребляемыхъ на средства, пропорціонально силѣ желательности, вложенной въ различныя цѣли.

До сихъ поръ, вся теорія силлогизма опиралась на классификацію предложеній въ четыре типа: общее утвердительное и общее отрицательное предложенія, частное утвердительное и

частное отрицательное предложенiя. Это значить, что логика различала просто утверждениe и отрицаниe и подраздѣляла какъ то, такъ и другое, сообразно утверждаемой или отрицаемой вещи на частное или общее. Но если мы проанализируемъ это *общее*, то увидимъ, что оно имѣеть терминами сложныя сужденiя, полученныя комбинацiями многихъ терминовъ частнаго предложенiя. Въ самомъ дѣлѣ, общее сужденiе можетъ возникнуть двумя путями: или путемъ одного удостовѣренiя, когда, напр., оно показываетъ, что подлежащее и сказуемое суть одно и то же, но только разсматриваемое съ двухъ точекъ зрѣнiя (прямая линiя есть кратчайшее разстоянiе между двумя точками); или-же оно дается нѣкоторымъ числомъ подтвержденiй, согласныхъ другъ съ другомъ. Напр., *всѣ тѣла* имѣють *вѣсъ*. Это сужденiе, которое признается всеобщимъ (*всѣ тѣла*), конечно, выведено не изъ взвѣшиванiя *всѣхъ* тѣлъ, а есть только выводъ изъ нѣсколькихъ извѣстныхъ случаевъ, выводъ, распространяемый на всѣ возможные случаи того-же рода.

Такимъ образомъ, если мы пока устранимъ то, какимъ образомъ произошло *всеобщее* сужденiе, т. е. изъ одного ли удостовѣренiя, или изъ нѣсколькихъ, а будемъ разсматривать его только со стороны его всеобщности, то окажется что мы утверждаемъ слѣдующее: во 1-хъ, что, высказывая его, мы думаемъ о возможномъ повторенiи подтвержденiя подлежащаго и подтвержденiя сказуемаго, при чемъ это подтвержденiе относится къ настоящему, прошедшему или будущему, и идетъ или отъ *насъ самихъ* или отъ *другихъ лицъ*; 2) что въ немъ утверждается фактъ подтвержденiя связи между подлежащимъ и сказуемымъ, при чемъ эта связь будетъ подтверждаться или можетъ подтвердиться извѣстное число разъ,—впрочемъ, число неопредѣленное,—такими наблюдателями, которыхъ мы не подозреваемъ въ галлюцинированiи, и въ интеллигентность которыхъ мы вѣримъ, будемъ вѣрить или можемъ вѣрить. Въ 3-хъ, что въ немъ отрицается фактъ или случай, когда-бы несуществованiе этой связи (между подлежащимъ и сказуемымъ) было констатировано или будетъ или можетъ быть констатировано.

Таково положительное предложеніе, а отрицательное отличается только тѣмъ, что во 2-мъ изъ указанныхъ сейчасъ утверженій мы, наоборотъ, утверждаемъ существованіе нѣсколькихъ случаевъ, когда связи между подлежащимъ и сказуемымъ не было; въ 3-мъ же, отрицаемъ, что когда либо былъ случай, когда бы такая связь существовала.

Но отсюда очевидно, что всякое общее сужденіе основано на вѣрѣ въ опытъ или, говоря точнѣе, на вѣрѣ въ утвержденія другихъ,—и на вѣрѣ въ *возможность* одинаковаго повторенія тѣхъ-же опытовъ съ тѣми-же результатами. Таково-же по существу и всякое частное сужденіе (нѣкоторыя позвоночныя несутъ яйца). Логика совершенно игнорировала до сихъ поръ этотъ элементъ *вѣры*, который до такой степени силенъ, что даже въ геометріи, ея основныя положенія, кажущіяся аксіомами, не требующими доказательствъ, на самомъ дѣлѣ (какъ доказали факты, о которыхъ скажемъ сейчасъ) основаны на вѣрѣ. Такъ, напр., возникновеніе, такъ-называемой, не эвклидовой геометріи показало, насколько самыя аксіоматическія сужденія наши (параллельныя линіи не могутъ сходитьсь, пространство имѣетъ три измѣренія и т. п.) зависятъ отъ предполагаемаго нами согласія на это *всѣхъ* людей; конечно, слово «всѣхъ» здѣсь условно. Когда явилась геометрія четырехъ измѣреній, она встрѣтила гоненія, а когда мало-по-малу ученые авторитеты начали принимать ее, и она стала, наконецъ, всеобщей, тѣ же понятія, которыя вчера казались безсмыслицей, стали аксіомами, возражать противъ которыхъ теперь въ свою очередь кажется безсмыслицей.

Но что-же это значить? А то, что *никакое наше обобщеніе и почти никакое наше сужденіе (общее) необъяснимо безъ соціального сообщенія людьми другъ другу своихъ вѣрованій.*

Отсюда очевидно, что никакая истинная *логика невозможна безъ соціологіи.* Мы забываемъ, сколько общихъ и всеобщихъ предложеній и сужденій навязываются ребенку уже самыми словами языка, который онъ изучаетъ: каждое слово (дерево, лошадь, звѣзды) есть уже обобщеніе, подведеніе даннаго частнаго случая (*этой* лошади, *этой* свѣтящейся точки, этого

двуногаго или четвероногаго) подъ общее понятіе (животнаго, лошади, звѣзды и пр.). Вѣдь, это уже готовая классификація, созданная опытомъ другихъ, опытомъ безчисленныхъ и невѣдомыхъ поколѣній; ребенокъ-же принимаетъ ее на вѣру, воспринимая съ языкомъ цѣлое міросозерцаніе, цѣлую «науку» о мірѣ, о жизни, о людяхъ и пр. и пр.

Этихъ предварительныхъ замѣчаній достаточно, чтобы понять ту реформу въ логикѣ и телеологіи, которую имѣетъ въ виду Тардъ.

Поведеніе человѣка можетъ быть противорѣчиво какъ и его мысль. Такъ, если онъ употребляетъ средства, не способныя достигнуть цѣли (напр., желая получить мѣсто, беретъ рекомендацію отъ лица, находящагося въ дурныхъ отношеніяхъ съ человѣкомъ, отъ котораго это мѣсто зависитъ), онъ, очевидно построилъ невѣрный телеологическій силлогизмъ (т. е. извѣстную цѣль умозаключеній о дѣйствіяхъ, долженствующихъ привести къ цѣли); такой-же ошибкой будетъ, если онъ отдастся какойнибудь цѣли (желанію) непропорціонально тому, что ею, дѣйствительно, можетъ быть достигнуто, т. е. вкладываетъ въ данное желаніе то больше, то меньше энергіи, чѣмъ нужно. Напр., квасной патріотъ, желающій поддержать престижъ своей націи, можетъ повести какоенибудь дѣло съ такой излишней горячностью, что нація наживетъ враговъ, будетъ вовлечена въ войну и потеряетъ престижъ. Или, наоборотъ, тамъ, гдѣ нужна энергія, она не проявится во время и т. п.

Очевидно, противъ телеологіи можно, значитъ, погрѣшать двумя путями. Но двумя-же путями погрѣшаемъ мы и противъ логики, которая, въ сущности, является орудіемъ и телеологіи, но только въ практическомъ примѣненіи. Логика занималась до сихъ поръ, какъ уже говорилось выше, только однимъ изъ этихъ грѣховъ: она требовала, чтобы изъ посылокъ не дѣлалось вывода, превышающаго то, что въ нихъ уже содержится. Но другой грѣхъ не замѣчался ею: онъ состоитъ въ томъ, что мы хотя и дѣлаемъ изъ посылокъ выводъ вѣрный, но не замѣчаемъ, какъ изъ посылокъ, возбуждающихъ нѣкоторое сомнѣніе, является умозаключеніе, проникнутое полнымъ убѣжденіемъ (и наоборотъ). Наглядный образецъ двухъ формъ нелю-

гичности можно видѣть на обыкновенныхъ свѣтскихъ лгунахъ: одни (это случай рѣдкій) утверждаютъ то, чего не думаютъ; другіе энергично утверждаютъ то, въ чемъ сомнѣваются (этотъ случай особенно частъ въ политическихъ вопросахъ).

Возьмите рѣчь адвоката, философскій, этический или политическій трактатъ, рѣчь депутата къ избирателямъ etc, etc, и вы вездѣ замѣтите, во 1-хъ, что начинаются эти трактаты съ умѣренныхъ положеній, съ сомнѣній, иногда даже высказываемыхъ заранѣе и умышленно, а кончаются самыми рѣшительными, горячими выводами, не допускающими сомнѣній и возраженій.

Что-же важнѣе въ этой цѣпи силлогизмовъ? Вѣрный-ли выводъ, или точность въ степени довѣрія къ посылкамъ? Но выводъ по большей части всегда предрѣшенъ заранѣе: и адвокатъ, и политическій писатель, и моралистъ всегда знаютъ заранѣе тотъ тезисъ, который хотятъ доказать. Очевидно, важна не столько эта сторона дѣла. Извѣстно давно, что въ выводѣ всегда заключается только то, что есть въ посылкахъ. Важенъ, значитъ, второй грѣхъ противъ логики, а именно недостаточное вниманіе къ степени соответствія между вѣроятностью посылокъ и рѣшительностью выводовъ. Когда мы что нибудь доказываемъ, мы рѣдко хотимъ высказать новую мысль: главная цѣль состоитъ въ повышеніи или, наоборотъ, въ пониженіи (даже уничтоженіи) вѣры въ какое нибудь данное положеніе (этотъ человекъ убилъ, эта мѣра приведетъ къ такимъ то результатамъ). Поэтому-то, разсуждать о логикѣ, выбросивъ изъ нея элементъ вѣры, это значитъ отнять у нея всякій смыслъ.

Индуктивная логика отчасти, хотя и безсознательно, стремилась пополнить этотъ пробѣлъ. Въ то время, какъ логика дедуктивная требовала оперировать только съ увѣренностями, индуктивная логика поняла, что дѣло идетъ только о *вѣроятностяхъ* и что можно искать только повышенія степени ихъ (т. е. вѣроятностей). Но подъ «вѣроятностями» здѣсь еще понимается нѣчто объективное, т. е. объективныя качества

вещей. Тардъ же предлагаетъ замѣнить этотъ терминъ другимъ: «степенями вѣры (или увѣренности)».

Такимъ образомъ, если прежняя логика (индивидуальная) давала правило: «разъ вы увѣрены въ *этомъ*, то вы увѣрены и въ *томъ*»,—логика Тарда говоритъ: «если вы вѣрите, съ известной данной степенью вѣры, въ это и если вы не желаете рисковать удалиться отъ истины, хотя-бы это случайно и могло васъ приблизить къ ней, вы должны вѣрить и въ то— въ *той-же степени*».

Другими словами, *цѣль логики* состоитъ въ указаніи намъ не только (отрицательнаго или положительнаго) вывода, но и, въ обоихъ этихъ случаяхъ, *степени* вѣрованія, которую мы должны переносить отъ нашихъ прежнихъ предложеній на новыя, если мы хотимъ быть увѣрены, что эти новыя предложенія причастны къ истинѣ въ той-же степени, какъ и прежнія.

Это правило имѣетъ, по мнѣнію Тарда, огромное значеніе.

Дѣло въ томъ, что, по его мнѣнію, основное стремленіе души есть стремленіе къ *максимуму вѣрованія* (увѣренности). Но естественно, что максимумъ увѣренности возрастаетъ по мѣрѣ большей и большей увѣренности въ посылкахъ, т. е. по мѣрѣ накопленія сужденій и вѣрованій, удаляющихъ всѣ противорѣчивыя положенія, и примиряющаго, сводящаго вмѣстѣ всѣ сходныя или подкрѣпляющія другъ друга. Отъ этого то мы и движемся все больше и больше въ сторону научнаго знанія, подкрѣпляющаго наши вѣрованія опытомъ. Наука все больше и больше объединяется, устраняетъ изъ себя противорѣчія. Между тѣмъ, если мы обратимъ вниманіе на другія формы мысли (хотя-бы метафизическую), мы замѣтимъ тамъ все большее и большее расхожденіе и взаимную отчужденность (напр., спиритуализмъ и матеріализмъ, идеализмъ и реализмъ), что, впрочемъ, не мѣшаетъ и имъ стремиться, по самому свойству человѣческаго ума, къ сближенію, синтезу и примиренію, на почвѣ научной и особенно критической философіи. Но что такое эта послѣдняя, какъ не провѣрка всѣхъ нашихъ «вѣрованій», т. е. идей, воспріятій, понятій, посредствомъ

прослѣживанія ихъ происхожденія до самыхъ послѣднихъ источниковъ?

Имѣютъ-ли серьезное значеніе эти положенія Тарда, въ которыхъ, на первый взглядъ, дѣло идетъ только о словахъ? Дѣйствительно-ли важно замѣнить слово «вѣроятность» (индуктивныхъ логиковъ) словами «степень вѣры?»

Если мы вспомнимъ, что лишь единицы изъ миллионовъ людей до сихъ поръ мыслятъ сколько нибудь научно, т. е. на основаніи опыта (по большей части чужого и принятаго на вѣру), а миллионы остальныхъ людей выходятъ во всѣхъ своихъ и теоретическихъ и практическихъ сужденіяхъ изъ чистыхъ формъ вѣры, безъ всякой даже попытки различить степень вѣроятности своихъ посылокъ (такъ какъ все онѣ для нихъ одинаково вѣроятны, хотя-бы то было утвержденіе какого нибудь прохожаго о людяхъ съ песьими головами), мы поймемъ огромное значеніе пробѣла, указываемаго Тардомъ. Указать, что вся умственная жизнь человѣчества (не исключая философіи и самой науки) строится на одномъ и томъ-же элементѣ вѣры,—что все стремленія ума тяготеютъ къ наибольшей степени вѣры,—указать, что степень вѣры часто вовсе не зависитъ отъ объективнаго удостовѣренія въ справедливости утвержденія, а опирается на соціологическое явленіе, на распространеніе вѣры, это—шагъ впередъ весьма существенный для пониманія общественныхъ явленій и въ частности, и въ цѣломъ.

Значеніе его теоріи, конечно, вполне можно выяснитъ себя только тогда когда ознакомишься со всей работой («La logique sociale»), представляющей обширный трактатъ болѣе, чѣмъ въ 450 стр. Мы же излагаемъ здѣсь только самые выдающіеся ея пункты. Но даже и въ нашемъ изложеніи можно понять *en bloc* значеніе этой теоріи, если мы вспомнимъ о связи, существующей между логическимъ сужденіемъ и сужденіемъ *телеологическимъ*: вѣдь, очевидно, что желанія (или цѣли) людей въ огромной степени опредѣляются ихъ вѣрованіями, въ такой же степени и средства къ достиженію этихъ желаній опредѣляются ихъ вѣрованіями. До сихъ поръ общественныя науки,—особенно «Политическая Экономія», а также наука о правѣ,

трактаты о морали и т. п. видѣли въ человѣчествѣ рационально-мыслящую массу, преслѣдующую въ своихъ стремленіяхъ *пользу* (личности, или-же общества—среди другихъ обществъ). Но достаточно понять, что польза, цѣнность, выгода выражаютъ только сумму *желаній*, что желанія тѣсно связаны съ вѣрованіями, что въ числѣ этихъ желаній и пользы одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ желаніе обезпеченности, увѣренности, вѣры,—чтобы понятіе пользы совершенно измѣнило свою физиономію: изъ понятія рациональнаго, а потому, въ сущности, чисто субъективнаго, личнаго и неопредѣленнаго,—оно становится реальнымъ, такимъ, каково оно есть на самомъ дѣлѣ,—съ массой нелѣпостей и нераціональностей, принятыхъ на вѣру, съ массой бессмысленныхъ, нераціональныхъ средствъ, на которыя человѣчество затрачивало и затрачиваетъ гиганскія суммы—силы, жизни, труда, изобрѣтательности...

Но не только прошедшая исторія становится понятнѣе въ виду теоріи Тарда, но выясняется и настоящее, яснѣе опредѣляется и грядущее. Одно какое нибудь, повидимому, незначительное положеніе Тарда поясняетъ иногда цѣлые ряды явленій. Такъ, въ индивидуальной логикѣ мы знаемъ, что у насъ относительно какого либо вопроса могутъ быть одновременно два противоположныхъ заключенія (выше былъ приведенъ примѣръ относительно сомнѣній путешественника,—видитъ ли онъ вдали горы, или облака, или миражъ: здѣсь три серіи посылокъ приводятъ то къ одному, то къ другому, то къ третьему рѣшенію или выводу). Правило логики о томъ, что нельзя одновременно и отрицать, и утверждать того-то или того-то относительно одного и того-же предмета, безпрестанно колеблется и осуществляется только тогда, когда изъ двухъ противоположныхъ увѣренностей (это горы, это не горы, а облака и т. п.) одна окажется настолько сильнѣе, что уничтожаетъ другую *). Въ соціальной логикѣ разница та, что утверждения

*) Возьмемъ у Тарда слѣдующій примѣръ: ученый, изслѣдующій памятники Египта, пришелъ къ увѣренности, что осель былъ извѣстенъ въ этой странѣ въ самыя отдаленныя времена и что онъ, конечно, происхожденія африканскаго, тогда какъ лошадь была ввезена туда (вѣроятно изъ Азіи) только въ эпоху пастушескую. Изученіе сирийскихъ языковъ

и отрицанія распредѣляются и борются въ разныхъ умахъ, а не въ одномъ и томъ-же. Борьба направлений и теорій въ наукѣ, философіи, политикѣ, искусствѣ является борьбой вѣрованій, размѣщенныхъ, такъ сказать, въ нѣсколькихъ различныхъ пунктахъ общественнаго тѣла. Но, подобно тому, какъ въ индивидуальной логикѣ наша увѣренность въ какомъ либо утвержденіи или отрицаніи будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше оно поддерживается (т. е. согласуется) съ другими нашими убѣжденіями, вѣрованіями, такъ въ обществѣ человекъ чувствуетъ себя тѣмъ увѣреннѣе въ своемъ выводѣ, чѣмъ въ большомъ числѣ умовъ онъ находитъ подтвержденіе ему. Такъ, буддистъ, путешествуя въ странѣ, населенной буддистами, все больше убѣждается въ правильности своихъ вѣрованій. Но тутъ-же очевидно, что какое нибудь новое открытіе или изобрѣтеніе представляетъ нѣкоторое видоизмѣненіе этого правила. Однако, чтобы изобрѣтатель не потерялъ вѣры въ свое открытіе, если встрѣчаетъ кругомъ насмѣшки и отрицаніе, онъ долженъ имѣть сильную поддержку въ какихъ либо другихъ своихъ вѣрованіяхъ. Между прочимъ, его можетъ подкрѣплять вѣрованіе, вынесенное изъ исторіи, что всѣ новшества, оказавшіяся истинными, встрѣчались сперва съ фанатическимъ отрицаніемъ толпы.

До сихъ поръ мы говорили о *логическихъ* разсужденіяхъ, служащихъ правилами для сообщенія другимъ вѣрованій, такъ сказать, свободныхъ отъ желаній; теперь займемся разсмотрѣніемъ особаго вида разсужденія, называемаго Тардомъ — *телеологическимъ*, которое служитъ выраженіемъ вѣры и желанія, соединенныхъ вмѣстѣ. Эти силлогизмы предшествуютъ каждому

приводить его къ противоположной мысли, что лошадь была извѣстна примитивнымъ арійцамъ, тогда какъ осель употреблялся у нихъ только послѣ раздѣленія. Черезъ нѣсколько времени онъ замѣчаетъ, что названіе осла въ различныхъ арійскихъ языкахъ происходитъ отъ семитическаго корня. На основаніи извѣстнаго вѣрованія лингвистовъ, онъ приходитъ къ выводу, что не ошибался, приписывая Египту прирученіе осла, откуда онъ и могъ перейти къ арійцамъ вмѣстѣ съ его названіемъ. Это подкрѣпляетъ его первое положеніе. Если, кромѣ того, онъ замѣтитъ сходство между египетскимъ названіемъ лошади (кана) и санскритскимъ (аква), это подтвердитъ другую его гипотезу о прирученіи лошади арійцами и о распространеніи ея у египтянъ отъ жителей Азіи.

нашему дѣйствию, хотя обыкновенно никогда не высказываются своими авторами. Если обыкновенный силлогизмъ можно упрекнуть въ бесплодности, потому что выводъ изъ двухъ соединенныхъ посылокъ не говоритъ ничего новаго, чего не заключалось-бы въ нихъ, то этого упрека нельзя сдѣлать силлогизму телеологическому: въ немъ первая посылка выражаетъ цѣль (я хочу ѣсть), вторая посылка выражаетъ средство (голодъ утоляется пищей); выводомъ же является извѣстная обязанность (поэтому я долженъ добывать пищу). Всѣ моральные силлогизмы строятся по тому же типу. Обыкновенно, намѣреніе или цѣль такихъ силлогизмовъ (т. е. большая посылка) подразумѣвается (безсознательна), и чѣмъ она глубже и болѣе скрыта отъ сознанія, тѣмъ моральная обязанность, выводимая изъ нея, кажется повелительнѣе. Напр., обязанность соблюдать посты вытекаетъ приблизительно изъ такого силлогизма: предполагается желаніе спасти свою душу (большая посылка); постъ признается средствомъ для этой цѣли (малая посылка); выводъ: обязанность соблюдать посты и т. п.

Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ уже дѣло съ двумя элементами и ихъ степенями, а именно съ вѣрованіемъ и его степенями, и съ желаніемъ (или намѣреніемъ) и его степенями. Тутъ нужно различать два случая: если дѣло идетъ обо мнѣ самомъ (или вообще если подлежащее большой посылки есть «я»: «я желаю») — то степень желанія ясна для автора силлогизма, и сила вывода будутъ зависѣть только отъ силы или степени увѣренности въ средствѣ (т. е. въ малой посылкѣ), при равенствѣ степени желанія въ нѣсколькихъ случаяхъ. Но степень желанія можетъ быть не одинакова, какъ и степень вѣры, и наоборотъ: т. е. при слабомъ желаніи можетъ быть сильная вѣра въ средство; при сильномъ желаніи, — слабая вѣра въ средство. Возростаніе того или другого элемента заставляетъ возрастать и обязанность: я хочу дать дѣтямъ высшее образованіе; оно можетъ быть дано только въ большомъ городѣ; я долженъ переселиться въ большой городъ. Если здѣсь вторая посылка на нѣкоторое время ослабляется моей надеждой, что и безъ большого города можно дать дѣтямъ высшее образованіе, то моя

обязанность «переехать въ городъ» будетъ также ослаблена. Если, наоборотъ, эта надежда (т. е., въ сущности, таже «вѣра», борящаяся съ другой, а именно съ вѣрой, что высшее образованіе получается только въ большихъ городахъ) ослабляется, то усиливается первая вѣра, усиливается и обязанность въ моихъ глазахъ.

Но огромная часть телеологическихъ разсужденій имѣетъ въ виду не себя, не «я», а другихъ. Такъ, фабрикантъ, прежде чѣмъ опредѣлить, какой товаръ и въ какомъ количествѣ онъ долженъ сфабриковать, долженъ, по предполагаемому имъ желанію потребителей, опредѣлить дальнѣйшіе результаты, т. е. и свои дѣйствія и дѣйствія потребителей. Такъ же точно, напр., депутатъ въ члены парламента долженъ разсуждать приблизительно слѣдующимъ образомъ: есть основаніе думать, что мои избиратели желаютъ имѣть вліятельнаго депутата; отсюда выводъ: я долженъ убѣдить ихъ въ моей вліятельности. Но этотъ же силлогизмъ (мы его нарочно сократили) можетъ являться и въ формѣ не телеологической, а просто логической, когда, напр., депутатъ просто дѣлаетъ выводъ, что онъ будетъ выбранъ, потому что избиратели убѣждены въ его вліяніи.

Отсюда очевидна связь между логическими и телеологическими силлогизмами.

Весьма важно замѣтить, что силлогизмы телеологическіе, какъ и логическіе, являются обыкновенно парами: напр., «я желаю быть ученымъ; но для этого нужно много работать; я долженъ много работать». Этотъ выводъ я могу принять или съ удовольствіемъ, если люблю трудиться, или, наоборотъ, съ отвращеніемъ, если не люблю труда. Въ этомъ второмъ случаѣ, я противопоставляю первому силлогизму другой: «я не люблю трудиться; но ученымъ можно сдѣлаться только трудясь; значитъ, я долженъ отказаться отъ желанія быть ученымъ». Такимъ образомъ, въ сознаніи можетъ возникнуть борьба, которая рѣшится въ сторону наибольшаго желанія (и не только желанія быть ученымъ, но и любви къ знаніямъ ест.). Какъ увидимъ далѣе, въ экономическомъ этюдѣ, эта борьба телеологическихъ силлогизмовъ имѣетъ огромное значеніе въ вопросѣ о

цѣнности товаровъ: при колебаніяхъ въ рѣшеніи купить или не купить такую-то вещь—борятся также различныя желанія: приобретаая одну вещь, т. е. удовлетворяя одному желанію, мы должны отказаться отъ другого и т. д.

Такихъ парныхъ силлогизмовъ не бываетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда достиженіе цѣли не влечетъ за собою ничего подавляющаго или непріятнаго. Собственно говоря, *обязанность* въ обыкновенномъ смыслѣ слова является тогда, когда данное дѣйствіе приводитъ не къ удовлетворенію непосредственнаго желанія, а какого-либо дальнѣйшаго, т. е. данное дѣйствіе можетъ само по себѣ быть *не* желательнымъ, даже отвратительно (пріемъ горькаго лѣкарства, совершеніе хирургической операціи, принесеніе какой нибудь жертвы). Въ этомъ случаѣ, желая предмета А (напр., здоровья), я считаю предметъ В (лѣкарство, операцію) способнымъ дать это А,—я *желаю желать* В. Это *желаніе желанія* В, заключенное въ желаніи А, явится у меня вслѣдствіе моей вѣры въ дѣйствительность средства В, и будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе эта вѣра.

Но этотъ родъ телеологическаго силлогизма представляетъ особый социологическій интересъ. Не всегда это *желаніе желать* есть желаніе *желать дѣйствія*. Часто дѣйствіе невозможно, напр., по общественнымъ условіямъ или положенію человѣка. Напр., молодой человѣкъ желаетъ жениться на такой-то особѣ, но ея родители рѣшили выдать ее замужъ только з а депутата. Молодой человѣкъ не можетъ быть депутатомъ. Отъ вывода: «я долженъ стать депутатомъ» онъ долженъ обратиться къ другому, напр., «*нужно*, чтобы люди моего положенія тоже могли стать депутатами». Примѣръ, взятый Тардомъ, не особенно красивъ и удаченъ, но онъ наглядно поясняетъ ту мысль, что *обязанность* можетъ иногда, по независящимъ отъ человѣка обстоятельствамъ, переходить въ сознаніе *нужды* въ чемъ нибудь, т. е. въ желаніе желать удовлетворенія этой нужды. Такой случай особенно частъ въ стремленіяхъ или желаніяхъ измѣненія какого либо права, напр., расширенія избирательнаго права ради тѣхъ или другихъ цѣлей. Важно здѣсь то, что едва, напр., право измѣнено согласно желанію, и тотчасъ же

для массы людей первый выводъ («это нужно») обращается въ обязанность («я долженъ сдѣлать это или то»).

Итакъ, *телеологическій силлогизмъ есть логика дѣйствія*. Но мы до сихъ поръ разсматривали его почти исключительно въ индивидуальномъ отношеніи. Раземотримъ вкратцѣ его примѣненія въ соціальной жизни.

Когда личность вѣритъ на слово другому, слово *вѣра* имѣеть совершенно специальный смыслъ; когда личность дѣйствуетъ по *приказанію* другого, слово *обязанность* служить къ обозначенію специально того чувства, которое при этомъ управляетъ имъ. До сихъ поръ слово обязанность обозначало здѣсь выводъ изъ телеологическаго силлогизма индивидуумомъ по своей собственной волѣ, являющейся большой посылкой. Обыкновенно это не называется обязанностью, а просто *волей* (это моя воля, я сдѣлалъ это добровольно). Значить, *воля*—это только посредствующее желаніе; *имѣть волю* значить предположить сдѣлать что нибудь, чего не желаешь вообще, но что сдѣлаешь (и желаешь) ради того, что дѣйствительно составляетъ предметъ желанія. Обязанность же—это также воля (въ этомъ смыслѣ), но служащая другой волѣ; это посредствующая воля. Приказаніе является созданиемъ обязанности. Вождь какого нибудь племени говоритъ: «я хочу этого (истребить такое-то племя), значить, мои подданные должны подчиниться этому» (идти убивать и храбро умирать, если нужно). Значить, приказаніе есть воля. Но обязанность есть лишь взаимодействіе приказанія. Въ самомъ дѣлѣ,—какъ-бы это ни казалось страннымъ,—но подданный этого вождя произноситъ внутренне какъ-бы эхо приказанія своего господина: «мой вождь этого хочетъ; но это есть средство для того-то; слѣдовательно, я долженъ это сдѣлать».

Таковъ первый видъ общественнаго согласованія воли.

Впослѣдствіи, это *спросъ, требованіе*, т. е. повелѣніе *публики* (въ странахъ демократическихъ). «Публика хочетъ путешествовать комфортабельно; но теперь холодно; значить, я долженъ устроить въ вагонахъ грѣлки», говоритъ себѣ управляющій желѣзной дорогой.

Изданіе закона, опредѣлившееся побѣдой одной партіи (или

большинства), представляет примѣръ, гдѣ обязанность является уже продуктомъ общественной воли (точнѣе, — воли большинства, или побѣдившей партіи). Точно также всякая новая власть и даже новый *идеалъ* являются источникомъ новыхъ системъ обязанностей. Но все это весьма сходно съ внутренней борьбой въ душѣ одного индивидуума, борьбой, приводящей къ новымъ рѣшеніямъ, къ новымъ цѣлямъ, изъ которыхъ истекаетъ цѣлый рядъ новыхъ дѣйствій.

Принявъ во вниманіе, что каждый человѣкъ рождается въ обществѣ, обладающемъ готовыми уже законами, моралью, идеалами, обычаями, приличіями etc., etc., мы должны признать, что большая посылка его общественно-телеологическаго силлогизма является для него готовой (законъ требуетъ, обычай требуетъ, приличіе требуетъ, положеніе требуетъ, идеалъ или принципъ требуетъ etc.). Его воля, его мысль могутъ функционировать только въ области меньшей посылки (данный случай подходитъ къ этому требованію) и вывода (слѣдовательно, я долженъ поступить такъ-то или такъ-то). Но отсюда очевидно, что общество можетъ разсматриваться какъ сложный силлогизмъ (сразу—и логическій, и телеологическій), въ которомъ большія посылки, это—совокупность наставленій или повелѣній, считаемыхъ божественными, впоследствии — истинъ или воль, считаемыхъ верховными (догматовъ или законовъ); меньшія же посылки даются каждому ежеминутно для всякаго случая какимъ либо обстоятельствомъ его жизни, которое указываетъ ему новое примѣненіе догмата или новое исполненіе закона; наконецъ, *выводы* (или заключенія) изъ этихъ посылокъ это — все то, что выбирается или судится, что говорится или дѣлается, что рѣшается или предполагается, сообразно принципамъ и руководящимъ правиламъ народа, т. е. это есть огромное большинство мыслей и дѣяльностей національнаго существованія.

Но къ этому телеологическому, социальному силлогизму нельзя относить, по мнѣнію Тарда, тѣхъ упрековъ, которые обыкновенно дѣлаются силлогизмамъ за то, что они не даютъ въ выводахъ ничего такого, что не заключалось бы въ посылкахъ. Наоборотъ, онъ сравниваетъ посылки этого силлогизма съ той

волшебной бутылкой, изъ которой извлекаются и такія вещи, которыхъ туда никогда не клалъ авторъ бутылки.

На этомъ мы остановимся, находя, что этюдъ Тарда, относящійся къ политической экономіи, будетъ теперь понятенъ читателю и въ частяхъ, и въ цѣломъ. Собственно говоря, мы изложили здѣсь только нѣкоторую часть первой главы «Соціальной логики», а ихъ въ книгѣ девять.

Л. Оболенскій.

РЕФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Соч. Г. Тарда.

I.

Я не собираюсь въ настоящее время показать примѣненія моихъ идей въ области политики и морали. Но отчасти я намѣренъ восполнить этотъ пробѣлъ, коснувшись слегка и безъ особаго методическаго порядка—политической экономіи.

Хотя наука эта имѣетъ своимъ непосредственнымъ объектомъ ту часть человѣческой дѣятельности, которая заключена въ промышленномъ трудѣ, она долгое время расширяла и увеличивала кругъ своего вѣдѣнія—введеніемъ въ него всѣхъ формъ дѣятельности, какія только возможны.

Предшественники социологовъ—экономисты старались охватить взоромъ все поле человѣческой дѣятельности, а недостаточность ихъ обрубленной социологіи давала имъ себя чувствовать только благодаря протестамъ социалистовъ—этихъ вторыхъ преждевременныхъ социологовъ и столь же неполныхъ.

Ошибка экономистовъ—отмѣтимъ ее сейчасъ же—заключалась въ томъ, что они, создавая индивидуальную телеологию *), ошибочно выдавали ее за телеологию *соціальную* и притомъ,—во всемъ ея цѣломъ, а сверхъ того вѣрили, будто бы можно обо-

*) Подъ телеологіей индивидуальной Тардъ понимаетъ тѣ силлогизмы, касающіеся опредѣленія средства для достиженія цѣлей, безъ которыхъхъ немыслимо никакое дѣйствіе. Соціальная телеологія охватываетъ всѣ науки, стремящіяся упорядочить наши дѣйствія (этика, полит. эк., право). См. *Введеніе*.

снова эту социальную телеологию, не прибѣгая къ помощи соображеній, *почерпнутыхъ изъ логики.

Непрерывные захваты политической экономіи — очевидны. Вдумайтесь въ ея главныя раздѣленія, — производство, распредѣленіе и потребленіе богатствъ, — и разберите каждое изъ нихъ въ отдѣльности. Вы увидите, что всѣ три подраздѣленія, въ сущности, захвачены у другихъ наукъ. Первое — у политики, второе — у наукъ юридическихъ, третье — у морали.

Въ вопросѣ производства, какъ это хорошо извѣстно, либеральная экономическая школа объявляетъ принципъ невмѣшательства государства. Но, вѣдь, совѣтовать государству устраниваться въ тѣхъ случаяхъ, когда его присутствіе не нужно и вредить его собственнымъ цѣлямъ, — это совѣтъ, равносильный совѣту государственнаго человѣка, т. е. равносильный предложенію разумной политики. Если-бы политика, это — главенствующее искусство, — возымѣло претензію сдѣлаться наукой, по примѣру скромнаго искусства педагогики, захотѣвшей вдругъ возвыситься до науки, то политика какъ наука состояла бы въ формулированіи причинъ, создающихъ національную силу, и въ опредѣленіи элементовъ, составляющихъ эту силу. Но въ эпоху, когда національная сила кажется заключающейся въ богатствѣ, какъ видъ въ родѣ, — самымъ лучшимъ путемъ къ приобрѣтенію maximum'a силы является достиженіе maximum'a общаго богатства. Во всемъ остальномъ экономическій индивидуализмъ и либерализмъ имѣютъ скорѣе характеръ временной, преходящей, нежели постоянной, и выражаютъ собою, такъ сказать, младенческую болѣзнь новорожденной политической экономіи, увлеченной Лейбницевскимъ оптимизмомъ, гармонизмомъ Бастіа и слѣпой вѣрой въ Провидѣніе, дѣлающими предусмотрительность бесполезной.

По мѣрѣ своего возрастанія, политическая экономія обнаруживаетъ намѣренія, по существу своему — социалистическія, т. е. она вездѣ и во всемъ прибѣгаетъ къ политикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чему служили всегда — великій министръ, великій король, руководитель народовъ, какъ не направленію произво-

дительныхъ силъ и науки, въ смыслѣ наиболѣе благопріятномъ общественному обогащенію?

Въ наши дни, кто какъ не Бисмаркъ считался главнымъ производителемъ богатства Германіи? Дурная регламентація не должна заставлятъ насъ отрицать полезности и даже необходимости хорошей регламентаціи: хочешь—не хочешь, а въ концѣ концовъ дѣло приходитъ всегда къ сознательному и систематическому согласованію производительныхъ силъ,—т. е. главнымъ образомъ къ согласованію политическому и правительственному. Въ дѣйствительности всякая конкуренція граничитъ съ монополіей болѣе или менѣе замаскированной,—какъ это прекрасно показываетъ поглощеніе мелкой промышленности крупными предпріятіями, и маленькихъ торговыхъ учрежденій—большими. Въ мѣрѣ — какъ въ морѣ: киты пожираютъ мелкую рыбу, а не наоборотъ. Правда, въ моряхъ, несмотря на это, мелкая рыба размножается, а киты постепенно исчезаютъ, но въ жизни дѣло обстоитъ иначе.—И вотъ, всякая монополія, всякая концентрація труда на нѣсколькихъ гигантскихъ заводахъ неизбѣжно вызываютъ вмѣшательство государства и законодательства, если промышленный гигантъ не сумѣлъ создать въ государствѣ особое государственное учрежденіе, чтобы регламентировать самого себя путемъ законодательства,—какъ это дѣлаетъ какая нибудь плата депутатовъ.

Такимъ образомъ, искусство болѣе или менѣе благоразумнаго руководительства производствомъ фатально входитъ въ искусство управленія вообще.

Что касается распредѣленія богатствъ, то ясно, что эта глава политической экономіи представляетъ собою просто на просто цѣликомъ науку идеальнаго права,—интегральную формулу справедливости. Здѣсь экономистъ поучаетъ юриста тому, чему, собственно, долженъ бы учить юристъ,—а именно смыслу и основаніямъ права собственности, его желательнымъ ограниченіямъ и предѣламъ; она указываетъ, наиримѣръ, на удобства установленія абсолютнаго права завѣщателя, или наоборотъ ограниченія правъ наслѣдованія; выясняетъ преимущества и неудобства права, основаннаго на трудѣ, или права на помощь;

она обсуждаетъ и указываетъ значеніе формулъ: «всякому по его потребностямъ» и «всякому по результатамъ его труда». Въ вопросѣ распредѣленія самые либеральные экономисты взываютъ къ помощи государства, — хотя я и не представляю себѣ тѣхъ разумныхъ основаній, по которымъ они государство — распредѣлитель предпочитаютъ государству — производителю, и почему бы имъ не догматизировать свободу распредѣленія наравнѣ съ свободой производства.

Наконецъ все, что говорится о потребленіи, и что составляетъ, — надо сознаться, — безсодержательную и краткую главку, — есть въ сущности не больше, какъ моральная проповѣдь, то пуританская, то опирающаяся на благоразуміе, проповѣдь, взывающая къ умѣренности въ желаніяхъ и къ воздержанію.

Такимъ образомъ, экономистъ начинаетъ свое дѣло какъ государственный человѣкъ, а кончаетъ какъ юристъ и моралистъ. Иными словами, подъ экономической наукой, — въ концѣ концовъ весьма ограниченной, — заключается просто *экономическая точка зрѣнія*, примѣняемая ко всѣмъ отраслямъ человѣческаго поведенія. Каковъ же отличительный признакъ этой точки зрѣнія? Какъ нужно ее исправить? Какія у нея пробѣлы и чѣмъ необходимо пополнить ее? На этотъ то вопросъ мы и постараемся отвѣтить.

Экономическая точка зрѣнія есть извѣстный способъ пониманій *общественной телеологіи* *), есть понятіе, примѣнимое ко всему, — къ военнымъ операціямъ, къ административнымъ функціямъ, къ произведеніямъ искусства, къ дѣламъ благотворительности и т. д. Эта точка зрѣнія или понятіе стремится стать все болѣе и болѣе преобладающей въ нашу эпоху «*подражанія—моды*», что не помѣшаетъ ей, быть можетъ, ослабѣть со временемъ передъ точкой зрѣнія юридической и моральной, когда вновь возродится традиціонный духъ. Не опредѣлимъ-ли мы этой точки зрѣнія такъ: подобно тому, какъ юристъ и моралистъ занимаются преимущественно человѣческими цѣлями, — имѣя въ виду ихъ взаимное согласованіе и

*) См. Введеніе. *Ред.*

соподчиненіе, — экономистъ занять главнымъ образомъ изученіемъ *средствъ*, которыя онъ называетъ «цѣнностями»? Это различіе довольно основательно, но не является ли оно лишь различіемъ въ степени вниманія? Вѣдь, и экономистъ не считаетъ лишнимъ предписывать обязанности — поступать такъ или иначе, и онъ порицаетъ тѣ или другіе мотивы дѣйствія (или воли).

Гораздо больше характеризуетъ, мнѣ кажется, его точку зрѣнія и приемы то, что онъ разсматриваетъ человѣческую дѣятельность съ ея *количественной, измѣримой* стороны, а не со стороны качественной и не имѣющей общаго мѣрила, какъ это дѣлаютъ юристъ и моралистъ. Эти послѣдніе часто разбиваютъ по различнымъ рубрикамъ, какъ качественно различныя, такія разнородныя, несоизмѣримыя другъ съ другомъ и дѣйствующія раздѣльно вещи, какъ, напримѣръ, провозглашаемыя ими права (бывшія первоначально единичными привилегіями), далѣе — формулируемыя ими обязанности (составляющія, собственно — санкціонированіе частныхъ инстинктовъ и историческихъ условій), наконецъ, одобряемыя ими удовольствія и полезности (являющіяся первоначальными видоизмѣненіями способности чувствовать). Впечатлѣнія, желанія, страсти, удовольствія и страданія, т. е. сторона аффективная, сопровождающая каждое изъ этихъ раздѣлнй въ своемъ родѣ (*suī generis*), — маскируютъ для моралиста и юриста тождественное или однородное основаніе своего многоцвѣтнаго волненія *), — отъ этого то юридическій взглядъ на вещи преобладаетъ въ эпохи обычая, особенно обычая примитивнаго, т. е. раздробленнаго на свои разнородныя части. Экономистъ же безмолвно утверждаетъ (*implicite*) основное тождество подъ

*) Гардъ сравниваетъ здѣсь различныя формы чувствованія (аффективную сторону душевныхъ явленій) съ тѣми различіями въ цвѣтѣ свѣтовыхъ лучей, которыя даются въ сущности колебаніями свѣтового эфира, различающимися другъ съ другомъ только степенью своей быстроты. По его теоріи (см. введеніе) вся практическая жизнь строится изъ двухъ основныхъ началъ: *желанія и увѣренности*; все же остальное является только видоизмѣненными формами этихъ основныхъ элементовъ практической жизни.

этимъ роскошнымъ разнообразіемъ, онъ все сводитъ къ идеѣ богатства, разсматриваемаго какъ нѣчто однородное, способное къ безконечному возрастанію и математическому подсчету.

Политическая экономія утверждаетъ, что эта точка зрѣнія законна, — что у нея есть свои заслуги и научныя преимущества; но такъ ли это? Вотъ первый вопросъ, который возникаетъ передъ нами. И политическая экономія повинна въ томъ, что оставляла его въ сторонѣ, не замѣчая его необходимости. Значитъ, нужно доказать то, что утверждаетъ политическая экономія. Мы можемъ сдѣлать это, показавъ, что *богатство* есть *воплощеніе* сочетанія двухъ *элементовъ*: *желаній и увѣренностей* (въ этомъ сочетаніи желаніе играетъ главную роль). При этомъ мы должны напомнить то соображеніе, что, во 1-хъ, всѣ наши страсти, всѣ наши страданія и удовольствія суть простыя или сложныя движенія положительныхъ или отрицательныхъ *желаній*, а всѣ наши ощущенія и идеи суть экстракты или абстракціи (отвлеченія) отъ нашихъ сужденій, т. е. *акты вѣры* *) и, во 2-хъ, что желаніе и вѣра не измѣняютъ своей основной природы оттого, что переходятъ въ различныя формы и состоянія или изъ одной формы въ другую у одного и того же индивидуума, или распространяются отъ одного лица къ другому; при этомъ они заключаютъ безчисленныя степени интенсивности (напряженности), а потому могутъ другъ съ другомъ противуполагаться симметрически и, слѣдовательно, могутъ также взаимно добавляться или вычитаться вполне законно.

Къ несчастью, политическая экономія до сихъ поръ не сознавала истинной исходной своей точки.

*) Это мѣсто также не будетъ вполне ясно для читателя безъ знакомства съ нашимъ введеніемъ. Дѣло въ томъ, что по теоріи Тарда (не противорѣчающей въ этомъ новѣйшимъ психологическимъ изслѣдованіямъ, а наоборотъ, подтверждаемой ими) ни одно наше *ощущеніе* не возможно безъ извѣстной *вѣры*, безъ извѣстнаго бессознательнаго сужденія, въ основѣ которыхъ лежитъ вѣра. Пояснимъ нагляднѣе примѣромъ: на зеленомъ фонѣ дерева вы видите красную точку и утверждаете, что это — вишня или слива. Это — актъ вѣры, вынесенный изъ прежняго опыта. Но у Вундта, напримѣръ, можно найти доказательства, что и всякое ощущеніе есть сужденіе, основанное на вѣрѣ.

Всѣ предписанія этой науки основываются на сужденіяхъ о большей или меньшей общей пользѣ; всѣ ея формулы выражаютъ или имѣютъ претензію выразить—отношенія нѣсколькихъ нижеслѣдующихъ особыхъ сущностей, возрастающихъ или убывающихъ одновременно, и которыя разсматриваются политической экономіей какъ настоящія количества; таковы: *трудъ, кредитъ, капиталъ, цѣнность* и т. д. Хотя, разумѣется, настоящія количества не въ нихъ самихъ, но тѣмъ не менѣе въ нихъ есть дѣйствительно нѣчто количественное, и я сказалъ-бы, что тоже вѣрно и относительно всего, что въ обыкновенной рѣчи считается способнымъ быть больше или меньше, выше или ниже другой вещи. Всякій разъ, слѣдовательно, когда экономистъ употребляетъ,—къ чему онъ, конечно, вынужденъ,—обычныя выраженія о сокращеніи или расширеніи кредита, о прогрессѣ благосостоянія и т. д., онъ или не говоритъ этимъ въ сущности ничего, или утверждаетъ (подразумѣваетъ), что эти различныя скопленія или суммы вещей, повидимому самыхъ разнородныхъ (вѣдь трудъ есть сумма самыхъ разнообразныхъ мускульныхъ и умственныхъ усилій; капиталъ—сумма предметовъ потребленія всевозможныхъ сортовъ; кредитъ—группа актовъ довѣрія и т. д.), суть въ основѣ своей—суммы вещей однородныхъ и способныхъ къ взаимному *сравненію*, если ихъ очистить отъ разнообразія формъ. Но тутъ то и заключена трудность. Что-же это за вещь однородная съ самой собою въ основѣ разнородныхъ вещей? До сихъ поръ отвѣчали: это — степени страданія или удовольствія, сопровождающія многообразныя душевныя состоянія этого рода *). Таковъ не полный анализъ утилитаріанистовъ. Не признавая совершенно умственного и *юридическаго* элемента, который является, однако, въ кредитѣ фундаментомъ, упорно отказываясь видѣть въ обезпеченіи что либо кромѣ выгоды, сводимой къ удовольствію, а въ усиліи что-либо кромѣ болѣе или менѣе яснаго, болѣе или менѣе продолжительнаго страданія, они увѣрены, что

*) Тардъ упускаетъ здѣсь школу Маркса, считающую этимъ однороднымъ началомъ богатства трудъ. Но къ разсмотрѣнію этого взгляда онъ обращается далѣе.

могутъ все резюмировать въ двухъ словахъ: страданіе и удовольствіе, альфа и омега, причина и цѣль политической экономіи. Идеаломъ должно быть, поэтому, доставленіе себѣ съ наименьшимъ трудомъ наибольшаго удовольствія.

Но этотъ выводъ беретъ только ничтожную долю факта, а потому, хотя и уясняетъ кое-что, но цѣлое окутываетъ туманомъ. Вѣдь, въ страданіяхъ и удовольствіяхъ, — являющихся каждое въ своемъ родѣ, — преобладаетъ характеръ качественный т. е. *не соизмѣримый*. Но изслѣдуемъ идеи страданія и удовольствія. Можно считать очевиднымъ, что удовольствіе есть просто *качество ощущенія*, состоящее въ томъ, что данное *ощущеніе* желательно, а страданіе — просто качество ощущенія, состоящее въ томъ, что *ощущеніе отвратительно*, т. е. *отталкиваетъ*. Если мы поведемъ анализъ дальше, то, быть можетъ, увидимъ въ страданіи (и физическомъ и моральномъ), а также въ удовольствіи (физическомъ и моральномъ) попеременное, непрерывное, безсознательное *повышеніе* или *пониженіе* еще и нашей *вѣры въ самихъ себя*, въ нашу цѣнность, въ нашу силу, въ нашу физическую или моральную добродѣтельность — индивидуальную или общественную.

Значить, вопросъ въ концѣ концовъ сводится къ тому, — обладаютъ ли вѣра и желаніе такой природой, которая дѣйствительно *количественна*. Если да, то экономическая наука возможна; если нѣтъ, то мы имѣемъ право считать ее просто плохимъ сортомъ литературы. Повторяю еще разъ: политическая экономія необходимо, хотя и подразумѣваемо, постулируетъ (т. е. принимаетъ, какъ данное) тѣ положенія, которыя я и выдвигаю впередъ въ моихъ работахъ и особенно въ сочиненіи: «La logique sociale».

Пока экономисты упорно настаиваютъ на томъ, чтобы экономическая наука основывалась на двусмысленномъ понятіи объ *услугѣ* и *удовлетвореніи*, представляющихъ, повторяю, лишь желаніе и вѣру, соединенныя съ элементами несходныхъ ощущеній, — при чемъ эти элементы всегда будутъ выдвигать впередъ свою разнородность, — до тѣхъ поръ (и постольку) эта наука останется радикально неспособною къ какому бы то ни

было философскому развитію. Двусмысленность идеи — *услуги* содѣйствовала поддержанію борьбы между школой теоретической, дедуктивной, обобщающей, къ которой принадлежатъ такіе экономисты какъ Рикардо, Стюартъ Милль и большинство французскихъ экономистовъ, — и школой исторической, индуктивной, которая, то усиливаясь, то слабѣя, никакъ не могла ни поразить своего противника, ни прекратить своей борьбы съ нимъ. — Отчего эта борьба? А оттого, что одинъ изъ борцовъ опирается, самъ того не зная, или не зная ясно, на то, отъ чего зависитъ, что всё самыя различныя страданія и удовольствія — зрѣнія, слуха и всякаго любого чувства физическаго и моральнаго имѣютъ, — не взирая на это разнообразіе своего происхожденія, — нѣчто поддающееся сравненію, дѣйствительно тождественное, измѣримое и оцѣниваемое приблизительно внутреннимъ судомъ, откуда и является право экономистовъ *группировать* эти вещи; въ тоже время другой лагерь не безъ нѣкоторой кажущейся основательности указываетъ въ видѣ возраженія на радикальное различіе удовольствій и страданій, если ихъ разсматривать какъ ощущенія. Напр., этотъ послѣдній лагерь анализируетъ слово *богатство*; оно въ политической экономіи является тѣмъ, чѣмъ въ механикѣ является сила, т. е. той основной вещью, которую нужно изучить въ смыслѣ ея производства, направленіи и расходованія. Что же такое богатство? Стадо для пастушескихъ народовъ, воздѣланная земля для крестьянина, сундукъ съ деньгами для скупца, гардеробъ для женщины и т. д., т. е. столько же предметовъ, сколько специальныхъ удовольствій, безъ *всякаго соотношенія*, безъ общаго мотива, — говоритъ эта школа *).

Если она права, то политическая экономія опирается на *flatus vocis* или на почву, чуждую наукѣ, такъ какъ нѣтъ науки въ строгомъ смыслѣ, которая исходила бы изъ качественности, какъ таковой. И въ данномъ случаѣ придется согласиться съ Курно, что *общій опредѣлитель* цѣнности, — т. е. деньги, металлическія-ли онѣ или бумажныя, — является чисто

*) См. напр. статью Лавеле въ «Revue de deux Mondes» отъ 1-го Апрѣля 1881 года.

фиктивнымъ и условнымъ. Но если разсматривать дѣло съ нашей точки зрѣнія, по которой у обѣихъ сторонъ есть своя доля правды,—то мы поймемъ, почему, несмотря на эрудицію, умъ и утонченное чувство, проявленное второй школой, первая изъ нихъ остается непоколебимой. Но она была бы еще сильнѣе, если бы сознавала свое истинное основаніе, т. е. *теоретическую* возможность измѣрять вѣру и желаніе. Я говорю «теоретическую», такъ какъ это достаточно для того, чтобы такое измѣреніе имѣло мѣсто въ экономической наукѣ. Однако, этой наукѣ постоянно будетъ мѣшать установиться и формулироваться въ точные и провѣряемые законы невозможность измѣрить *практически* вѣру и желаніе, хотя бы это и удавалось иногда въ общихъ чертахъ и съ недостаточной приближительностью. Когда случайно экономисты опираются на идею «желаній» больше, чѣмъ на идею «услуги», они дѣлаютъ изъ этой идеи крайне неудачное употребленіе. Такъ напр. они дѣлали источникомъ производства—желаніе богатства. Желаніе богатства, въ политической экономіи, это—тоже, что въ морали желаніе блага, т. е. чистое тождествословіе (тавтологія). Вѣдь, такъ можно было бы сказать «желаніе желательнаго»,—вѣдь, самый фактъ желательности именно и возвышаетъ въ индивидуумѣ какое либо (желаемое) состояніе духа до ранга благополучія; и тотъ же фактъ желательности, становясь общимъ, возвышаетъ какой либо предметъ или услугу до ранга богатства. Кромѣ того, слѣдуетъ ли различать желаніе производить богатство (что называется трудомъ) отъ желанія приобрѣтать или сохранять его для превращенія въ личныя удовольствованія (что называется потребленіемъ)?

II.

Есть и кромѣ этого съ нашей точки зрѣнія глубокіе и явные пробѣлы въ политической экономіи, но мы не долго остановимся на ихъ критикѣ. Достаточно указать на забвеніе ею той роли, какую подражаніе имѣетъ въ фактахъ, соста-

вляющихъ ея предметъ. Предположите рынокъ, состоящій изъ крайне оригинальныхъ покупателей, имѣющихъ каждый свои спеціальныя вкусы, свои особыя потребности, свой личный пріемъ при оцѣнкѣ предметовъ: напр. англичанина, китайца, индуса, прокеза, араба, грека времени Перикла, египтянина— времени Рамзеса и т. д., сошедшихся вмѣстѣ для обмѣна своихъ произведеній. *Обмѣнъ* былъ бы здѣсь возможенъ, но не *цѣнность* въ экономическомъ смыслѣ этого слова.

Цѣнность предполагаетъ какъ постулатъ (данное) нѣкоторое сходство потребностей и оцѣнки, которыя создаются только и единственно дѣйствіемъ подражанія. Фактъ признанный, что вообще (не всегда) единство цѣнъ на одномъ и томъ же рынкѣ объяснимо только этимъ *). Почему очень богатый покупатель въ цивилизованной странѣ напелъ бы весьма дурнымъ, если бы его хотѣли заставить заплатить за его покупки пропорціо-нально цифрѣ его дохода, соединенной съ нѣкоторой пошлиной на его желанія? Единственно потому, что онъ проводитъ свою жизнь, сравнивая себя съ другими, подражая другимъ при покупкѣ и продажѣ, и что эта непреодолимая привычка заставляетъ его считать *самой справедливостію* это уподобленіе себя другимъ, конечно, весьма удобное практически, но тѣмъ не менѣе, разумѣется, несправедливое и нераціональное.

Знаменитый, хотя нелѣпый и темный, законъ спроса и предложенія извращается также вслѣдствіе упущенія того-же самаго соображенія. Когда какой-нибудь человекъ, желающій купить предметъ за такую-то цѣну, узнаетъ, что другой желаетъ купить тотъ-же предметъ за ту же цѣну, его личное желаніе тотчасъ разгорается до такой степени, что онъ соглашается пріобрѣсти этотъ предметъ за высшую цѣну; а то другое лицо, въ свою очередь, если оно узнаетъ объ этомъ, чувствуетъ что его желаніе усилилось, и вотъ оба готовы повысить цѣну за предѣлы того максимума, который они предполагали израсходовать. Въ возрастающемъ, болѣзненномъ усиленіи желанія купли,

*) Таковъ исходный пунктъ Рикардо въ его теоріи ренты, этомъ превосходномъ свѣточѣ, хотя и прямолинейномъ, свѣтомъ котораго крайне необходимо пользоваться.

которое доказывается ежедневно *горячкой аукционовъ*, а также въ преувеличеніи желанія продажи, въ обратномъ направленіи, передъ нами предстаетъ явленіе взаимнаго подраженія, двустороннее и усиливающееся; оно необъяснимо принципомъ *личной выгоды*, которымъ предполагаютъ все объяснить экономисты. Но это взаимное и живое вліяніе конкурирующихъ жадностей, находящееся въ разногласіи съ положеніями политической экономіи, которыя претендуютъ быть аксіомами, составляетъ все, что есть истиннаго въ основѣ закона спроса и предположенія. Кромѣ того, не только желанія купли соперничаютъ съ такими же желаніями купли, а и желаніе продажи съ такими же желаніями продажи; мы должны добавить, что первыя вліяютъ на вторыя и наоборотъ. Но въ какомъ смыслѣ? Когда *желающій купить* открываетъ, что *продавецъ* имѣетъ очень сильное желаніе продать, — правда ли, что его желаніе купить уменьшается? Нисколько. Его *надежда* купить вещи за сравнительно низшую цѣну, дѣйствительно, возрастаетъ иногда, благодаря этому открытію (я говорю: *его надежда*, т. е. степень вѣры или увѣренности относительно такого соглашенія въ цѣнѣ). Но, если онъ увѣренъ, что цѣна не будетъ понижена, если извѣстно, напримѣръ, что магазинъ держится *prix-fixe*, — а этотъ способъ назначать цѣны стремится стать общимъ, — то его желаніе купить способно скорѣе усилиться, чѣмъ уменьшиться, благодаря проявленію желанія продать. Въ этомъ случаѣ спросъ — какъ хорошо знаютъ всѣ прикащики магазиновъ — находится настолько незначительно въ обратномъ отношеніи къ предложенію, что до извѣстной степени оказывается даже въ прямомъ отношеніи съ нимъ. Привлекающія жесты, приглашенія что нибудь съѣсть, объявленія и даже рекламы, выражая безъ малѣйшей утайки горячее желаніе продавцевъ — продать, рѣдко бываютъ не дѣйствительны.

Впрочемъ, оставимъ этотъ, — съ позволенія сказать, — за-конъ, въ которомъ не знаешь даже, за которую его сторону взяться, и которому первый воздасть должное Курно *).

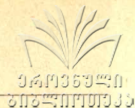
*) См. его «Principes de la theorie des richesses, главу подъ названіемъ: Loi de la demande.

Если-бы политическая экономія постулировала дѣйствіе подражанія, то, слѣдовательно, она постулировала-бы прежде всего, дѣйствіе изобрѣтеній. Вѣдь, каждое изъ производствъ, таланты, привычки, желаніе производить, и каждая изъ потребностей, т. е. родовыя потребности, привычныя желанія потреблять, т. е. все, что политическая экономія изучаетъ подъ именемъ богатствъ, рождаются отъ какой либо мысли генія древняго или новаго. Потребность курить, пить чай или водку, ѣсть хлѣбъ, ѣздить на лошади или въ каретѣ, а также искусство фабриковать табакъ, культивировать и приготавливать чай, дистиллировать водку, растить хлѣбъ, мѣсить тѣсто и печь хлѣбъ, дѣлать сѣдла и экипажи—имѣютъ началомъ открытіе свойствъ табака, чая, алкоголя, изобрѣтеніе сохи и вообще—земледѣлія, удивительную мысль о прирученіи животныхъ и верховой ѣздѣ, и простую, но плодотворную идею о колесѣ...

Изобрѣтенія бываютъ двухъ сортовъ. Одни (литературныя, артистическія, иногда промышленныя, напр., кулинарныя) вводятъ въ человѣчество новую комбинацію ощущеній или образовъ, становящихся тотчасъ объектомъ спеціальнаго желанія. Драматурги создали вкусъ къ театру; каждый драматическій писатель создаетъ вкусъ къ своему собственному жанру. Другія изобрѣтенія (почти все ремесленныя: ткацкое ремесло, типографія, фотографія и т. п.) посредствомъ пониженія цѣнъ, допускаемаго ими при предложеніи предметовъ, удовлетворяющихъ прежде бывшія потребности, даютъ возможность пользоваться этими предметами множеству людей, которые безъ этого и не подумали бы никогда приобрести ихъ. Въ силу этого, въ такихъ новыхъ потребителяхъ являются соотвѣтствующія желанія, которыя до того времени не существовали.

Такъ или иначе, но мы видимъ, что первая причина всякаго экономическаго желанія есть — изобрѣтеніе. Я пропускаю, какъ черезъ-чуръ элементарныя, нѣкоторыя желанія совершенно примитивныя, какъ, напр., желаніе видѣть свѣтъ или пить воду источника. Но опять и здѣсь я замѣчу, что направленіе, принятое этими чисто фізіологическими желаніями, т. е. ихъ спецификація въ каждое мгновеніе опредѣляется социальнымъ

вліяніемъ, которое можно свести на избобрѣтеніе. Предметы, которые я желаю видѣть, открывая глаза, и которые я дѣйствительно вижу, указаны мнѣ всѣми учеными или всѣми художниками, идеи которыхъ образовали мой разумъ. Даже, когда я чувствую жажду и именно жажду чистой воды, мое желаніе пить изъ стакана, а не изъ сложенныхъ вмѣстѣ рукъ, есть результатъ многихъ открытій, напр., металловъ и стекла, токарнаго станка и т. п.

Но богатство есть не только желаніе; оно и увѣренность или вѣра *). Въ самомъ дѣлѣ, полезность предмета или услуги (труда), т. е. богатство, которое они воплощаютъ, состоитъ въ томъ, что они даютъ то *увѣренность* или *обезпеченность* (таковы, напр., результаты ипотечнаго или нотаріальнаго акта, или—оспопрививанія), то *удовлетвореніе* какому либо желанію. И даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ полезность даннаго предмета или данной услуги зависитъ, во 1-хъ, отъ силы (интен-

---

*) Этимъ я не хочу сказать, что всякій родъ знанія есть богатство, и что экономисты правы, соединивъ двѣ эти идеи въ идеѣ богатства. Если всякое просвѣщеніе, всякое знаніе, прибрѣтенное по семейной или ремесленной традиціи, путемъ школьнаго образованія или изустно, можетъ разсматриваться какъ особенный родъ богатства, то всякое богатство можетъ, вѣроятно, разсматриваться, какъ результатъ образованія: безъ знанія секретовъ ремесла или искусства какой продуктъ былъ бы возможенъ? Конечно, двѣ эти вещи—знаніе и производство—слиты во едино, но доказательствомъ того, что они весьма различны, служить возможность увеличенія одного въ то время, какъ другой уменьшается. Профессиональное образованіе рабочихъ или директоровъ какой нибудь фабрики можетъ усилиться, тогда какъ ихъ производительная дѣятельность падаетъ. Сравненіе между производствомъ богатства и производствомъ просвѣщенія, можетъ быть, не лишено интереса. Можно-бы было и въ педагогикѣ сжато анализировать различные факторы производства просвѣщенія. Подобно тому, какъ экономисты отличаютъ трудъ, землю и капиталъ, педагогика могла бы различать дѣятельную и умственную стороны ученика съ одной стороны и познанія учителя съ другой. Говоря по правдѣ, подобное изслѣдованіе не привело-бы къ крупнымъ результатамъ. Прежде всего, первое условіе хорошаго воспитанія, — если выполнены психологическія условія учителя и ученика, — это хорошая школьная программа, а программа предполагаетъ систему идей, извѣстное *credo*. Подобно этому, первое условіе хорошаго экономическаго производства это — мораль, съ которой всѣ должны согласоваться. Мораль это—программа промышленнаго производства, а говоря иначе—потребленія, такъ какъ и то и другое—солидарны.

сивности) вѣрованія или увѣренности, съ какой судятъ о предметѣ или услугѣ, — какъ способныхъ удовлетворить потребности, осуществить волю; во 2-хъ, отъ силы желанія, которое предугадываетъ данную потребность, или интенсивность воли которая есть разсудочный выборъ между другими меньшими сужденіями. Два эти элемента такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ въ идеѣ полезности, что увеличеніе одного можетъ уравнивать уменьшеніе другого. Два сорта врачебныхъ водъ могутъ имѣть одинаковую полезность, если за одной изъ нихъ установилась репутація излечивать *безспорно* легкія болѣзни, напр., болѣзни горла, а другая слыветь, — хотя и не безъ возраженій, — обладающей способностью излечивать болѣе серьезныя болѣзни, напр., хроническій бронхитъ. Когда говорятъ, что барыши предпринимателей отчасти служатъ вознагражденіемъ риска, которому подвергаются эти послѣдніе, то этимъ признаютъ законность подобнаго уравниванія (компенсаци). Болѣе сильное желаніе, возбуждаемое въ сердцѣ предпринимателя приманкой выигрыша, способнаго дать больше того, что онъ платитъ своимъ сотрудникамъ, утѣшаетъ его тѣмъ, что онъ имѣлъ бы гораздо меньше увѣренности въ успѣхѣ, если бы они не получали своего жалованія.

Но изобрѣтеніе это — мать увѣренности, какъ и желанія. Открытія, состоящія въ созданіи новыхъ увѣренностей или обезпеченій, въ увеличеніи суммы общественнаго довѣрія, главнымъ образомъ, суть научныя открытія. Но не забудемъ, что подъ этимъ слѣдуетъ понимать также идеи административныя, законодательныя, военныя, юридическія. Открытіе астрономическихъ, физическихъ, химическихъ и біологическихъ законовъ положило мало-по-малу конецъ нашей неувѣренности относительно причинъ этого рода явленій, вмѣстѣ съ тѣмъ кончился и рожденный изъ этихъ сомнѣній суевѣрный ужасъ. Такимъ образомъ, наука одновременно и успокоила насъ (дала намъ увѣренность), напр., относительно затменій, и въ то же время просвѣтила насъ. Прибавимъ къ этому, что постепенное усовершенствованіе методовъ преподаванія позволило этому высшему умственному проясненію проникнуть въ самые низшіе

слои общества и распространить на все его цѣлое свои благо-
дѣтельные результаты. Но, вѣдь, это исключительно продуктъ
просвѣщенія, а не богатства, а между тѣмъ политическая эконо-
мія совершенно не занимается прогрессомъ этого рода.

Но уже нѣсколько больше она интересуется слѣдующими
предметами. Вѣковой прогрессъ законодательства, администраціи,
вооруженія, стратегіи можно разсматривать какъ серію настоя-
щихъ открытій, при помощи которыхъ государство, — эта обширная
компанія для общей безопасности, — то создаетъ новые виды
обезпеченій, неизвѣстные прежде (напр., почти полную увѣрен-
ность въ невозможности быть убитымъ грабителями на большихъ
дорогахъ, гдѣ проходитъ Святая Германдада, нѣкоторыя хартіи
и договоры тѣхъ или другихъ городовъ, тѣхъ или иныхъ
классовъ или профессій противъ произвола другихъ городовъ
классовъ или профессій, личныя гарантіи, изобрѣтенныя со-
временными законодательными учрежденіями), то распространяетъ
и расширяетъ на болѣе значительное число гражданъ нѣкото-
рые роды обезпеченія, уже оформившіеся относительно мень-
шинства (напр., распространеніе на Италію, а затѣмъ на всю
Римскую имперію права римскихъ городовъ, освобожденіе крѣ-
постныхъ въ Россіи, или ночь 4 августа, обобщившая приви-
легіи, гарантирующія свободу, преобразованиемъ ограниченнаго
права голоса во всеобщее голосованіе).

Наконецъ, почти не существуетъ такого чисто *промышлен-
наго* прогресса въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, который не
производилъ бы въ тоже время увѣренности или вѣры.
Громоотводъ, какъ промышленное примѣненіе научнаго
открытія, есть обезпеченіе противъ грозы, обезпеченіе, о ко-
торомъ никто не думалъ до Франклина. Пароходы, перенося-
щіе зерновой хлѣбъ изъ одной части свѣта въ другую, — обез-
печеніе противъ голода. Нѣтъ такого новаго улучшенія въ какой
бы то ни было фабрикаціи, которое не увеличивало бы увѣ-
ренности въ удовлетвореніи соотвѣтствующей потребности.

Однимъ словомъ, два составныхъ элемента полезности, увѣ-
ренность и желаніе, одновременно порождались или усиливались

геніемъ изобрѣтательности. Значить, первая причина богатства есть изобрѣтеніе.

Если бы экономисты имѣли въ достаточной степени въ виду этотъ высокій источникъ плодотворнаго потока, географами котораго они называютъ себя, они не сдѣлали бы ошибки, введя изобрѣтеніе въ понятіе труда; они избѣжали бы путаницы и бесполезнаго смѣшенія въ опредѣленіе капитала.

Экономисты были бы обязаны замѣтить, что трудъ есть цѣпь сходныхъ дѣйствій, цѣпь актовъ, повторяемыхъ по чужому примѣру сознательно или безсознательно, подражаніе первому акту, который истекалъ вовсе не изъ самаго работника, но шелъ отъ изобрѣтателя древняго или современнаго, извѣстнаго или неизвѣстнаго.

Крестьянинъ, пашущій землю, умножая параллельныя борозды; виноградарь обсыпавшій или окуривавшій сѣрой свой виноградникъ; ткачъ, толкающій свой челнокъ; качегарь при локомотивѣ, бросающій равномѣрно въ пылающее жерло печи каменный уголь куски за кусками,—все эти люди, въ каждомъ усилии своемъ, не дѣлаютъ ничего иного, кромѣ подражанія кому-то, т. е. изобрѣтателю или изобрѣтателямъ—паханія, осыпанія и подкуриванія сѣрой виноградниковъ, изобрѣтателей ткацкой машины, локомотива и т. п.

Значить, трудъ есть только одна изъ отраслей подражанія. Если-бы это имѣли въ виду, то никогда не подвергались-бы опасности забыть, что необходимое, неизбѣжное соотносительное труда не есть, въ точномъ смыслѣ, капиталъ, а изобрѣтеніе, по крайней мѣрѣ, если не видѣть въ изобрѣтеніи,—какъ слѣдовало-бы,—капиталъ по преимуществу. Экономисты, упустивъ идею объ изобрѣтеніи, обезглавили свою науку. Иногда они заставляли эту идею войти въ понятіе труда, какъ видъ въ родъ. Странный видъ, безъ котораго не существовалъ-бы родъ! Отсюда-то и возникло столько ошибочныхъ опредѣленій, которыя эксплуатировалъ социализмъ. Напримѣръ, подъ однимъ и тѣмъ-же словомъ *продуктъ* помѣщали сразу и продукты, называемые матеріальными, и продукты, именуемые не матеріальными, смѣшивая изобрѣтенія съ ихъ распространеніемъ,

созданія искусства съ ихъ промышленнымъ воспроизведеніемъ. Такимъ образомъ, между прочимъ, собственность артистическая и литературная сдѣлалась необъяснимой.

Говорятъ еще: «трудъ есть источникъ всякаго богатства и всей цивилизаціи». Такова «аксіома», изъ которой исходятъ согласно другъ съ другомъ и экономисты, и социалисты. И никому не приходится въ голову—оспаривать это.—Но, разъ это принято, законность преувеличенныхъ требованій, исходящихъ отъ работниковъ, оправдывается сама собою логически. Единственный способъ опровергнуть это или свести эти требованія къ ихъ дѣйствительно-справедливой пропорціи это бросить свѣтъ на капитальную важность изобрѣтенія въ образованіи цѣнностей и богатствъ. Если-бы кто нибудь открылъ ткацкій матеріалъ болѣе удобный, чѣмъ хлопокъ, хлопчато-бумажныя мануфактуры потеряли-бы девять десятыхъ своей цѣнности. Пусть откроютъ пищевое вещество, которое имѣетъ преимущество по своимъ питательнымъ свойствамъ, легкости выдѣлыванія и дешевизнѣ надъ зерномъ и картофелемъ, и всѣ учрежденія по хлѣбному ввозу и вывозу—сойдутъ на нѣтъ, а относительная цѣнность земли будетъ потрясена. Пусть кто нибудь откроетъ болѣе экономный процессъ нагреванія, и всѣ способы, употребляемые теперь, должны будутъ обезцѣниться. Пусть кто нибудь откроетъ въ поэзіи, въ музыкѣ, въ живописи, на сценѣ *новую красоту*, и тотчасъ древніе роды прекраснаго потеряютъ свою славу и почетъ, произведенія ихъ адептовъ уже не станутъ или почти не станутъ продаваться *). Нѣтъ такой цѣнности—земледѣльческой, промышленной, эстетической или иной, которая не стояла бы подъ угрозой какаго нибудь возможнаго

*) Здѣсь очевидный недосмотръ въ соображеніяхъ Тарда: во 1-хъ, протестуя самъ противъ отнесенія искусствъ и вообще не матеріальныхъ продуктовъ къ матеріальнымъ, за исключеніемъ, быть можетъ, чисто подражательныхъ, воспроизводимыхъ промышленностью, онъ здѣсь поступаетъ (очевидно, по привычкѣ) совершенно также, какъ его противники; во 2-хъ, искусство уже доказало, что изобрѣтеніе новыхъ формъ нисколько не уменьшаетъ цѣнности его древнихъ формъ: поэмы Гомера, статуи древнихъ грековъ, картины древнихъ мастеровъ и драмы старинныхъ авторовъ цѣны не теряютъ. *Ред.*

открытія. Наоборотъ, отъ возможнаго открытія зависитъ также возможность придать огромную цѣнность тому, что въ настоящее время не имѣло цѣнности. Какую цѣну приобрѣла бы какая нибудь земля, если бы на ней открыли въ одинъ прекрасный день залежи фарфоровой глины!

Вотъ истинный источникъ цѣнности, и вотъ почему изобрѣтательный классъ общества имѣетъ право на свою крупную часть благъ, хотя бы онъ былъ классомъ наиболѣе празднымъ, — особенно если возможно думать, что относительная праздность есть одно изъ неизбѣжныхъ условий свободы ума и плодovitости воображенія. Вотъ почему также и капиталъ, другой идолъ экономистовъ, котораго они обожаютъ, не понимая его, вовсе не есть накопленный трудъ или, по меньшей мѣрѣ, не это въ немъ существенно: онъ есть прежде всего — накопленные изобрѣтенія *). Устраивали своему уму настоящую пытку, чтобы опредѣлить его, — сообразно, какъ казалось, требованіямъ удобства, — какъ простой продуктъ труда. Наиболѣе приближающіеся къ истинѣ говорятъ, что онъ есть часть продуктовъ, назначенная на дальнѣйшее производство (или возпроизведеніе). Въ самомъ дѣлѣ, высокое качество капитала, — въ томъ смыслѣ этого слова, въ какомъ слѣдуетъ понимать его, — есть возбужденіе воспроизведенія (или дальнѣйшаго производства). Но съ чѣмъ неразрывно связывается это качество? Съ продуктомъ, или съ какимъ нибудь видомъ продуктовъ? Нѣтъ, *это качество коренится въ счастливыхъ начинаніяхъ, о которыхъ сохранилась память.* Капиталъ это — традиція, социальная память, которая для общества — тоже, что у живыхъ индивидуумовъ — наслѣдственность, жизненная память, загадочная по своей природѣ.

Что касается накопленныхъ или сбереженныхъ продуктовъ, имѣющихъ назначеніе облегчить осуществленіе новыхъ экземпляровъ сообразно образцамъ, пришедшимъ ранѣе на мысль изобрѣтателямъ, то именно въ этихъ образцахъ заключается настоя-

*) Читатели могутъ обратиться къ моей статьѣ въ «Revue Philosophique» за Октябрь 1881 г., подъ заглавіемъ: «Психологія въ политической экономіи» (вторая часть).

шій зародышъ (будущаго воспроизведенія); а сами сбереженные продукты это тоже, что семянодоли въ эмбріонѣ растенія, т. е. просто — провіантъ.

Я долженъ еще замѣтить для тѣхъ, кто признаетъ ученіе о безконечномъ прогрессѣ, что мое опредѣленіе позволяетъ устранить самое угрожающее возраженіе, которое служитъ камнемъ преткновенія для ихъ положенія, а именно: средніе вѣка слѣдовали за блестящими и роскошными вѣками Рима. Весь трудъ, накопленный во времена имперіи предъидущими поколѣніями въ видѣ дорогъ, мостовъ, црковъ, бань, водопроводовъ, библиотекъ и т. п., былъ уничтоженъ въ эту эпоху, и если-бы капиталъ былъ только трудъ, то, конечно, тогда человѣчество утратило бы свою воспроизводительную силу, и должно бы было пойти назадъ. Но бѣда не велика, если капиталъ есть прежде всего, — да позволено мнѣ будетъ выразиться такъ, — пакетъ съ зернами, которые сохранились безъ значительнаго ущерба въ нѣдрахъ нѣкоторыхъ монастырей, ожидая лучшихъ новыхъ дней, и которыя даже увеличились въ теченіе этой долгой зимы нѣсколькими драгоценными сѣменами, изъ которыхъ распустился современный міръ.

Генри Джоржъ (извѣстный американскій экономистъ, теперь уже умершій) основательно замѣтилъ, слѣдуя Джону Стюарту Миллю, что богатство не способно къ значительному накопленію, — что когда увѣрены, будто оно накапливается, на самомъ дѣлѣ оно только возобновляется, совершенно также, какъ разрушенія, причиненныя войной или землетрясеніемъ, возстановляются съ замѣчательной быстротой. Но разъ это извѣстно, то не менѣе справедливо и то, что изобрѣтенія, эта мать богатства, способны къ безконечному накопленію, какъ таковыя. Значитъ, они не такіе-же продукты, какъ всѣ остальные. Добавимъ къ этому, что если они способны накапливаться, они могутъ также замѣщаться и разрушаться. Каждая революція въ обычаяхъ, идеяхъ или нравахъ имѣетъ результатомъ безмѣрное разрушеніе гениальныхъ идей прошлаго, сдѣлавшихся бесполезными, внезапно потерявшими цѣнность, и часто замѣняющихся вторженіемъ изобрѣтеній, зародившихся въ чужихъ странахъ, и ко-

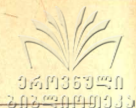

торья нельзя считать прямымъ развитіемъ и продолженіемъ старыхъ, туземныхъ.

Вотъ лицевая сторона вопроса, на которую не обращаютъ вниманія—ни экономисты, ни социалисты. Открытіе полезнаго дополняется вытѣсненіемъ бесполезнаго, которое чрезвычайно легко дѣлается стѣнительнымъ и даже преступнымъ. Таковы двѣ стороны социальнаго утилитаризма, этой медали, которую обыкновенно разсматриваютъ только съ одной стороны.

Экономисты, дѣлающіе трудъ,—т. е. одну изъ отраслей подражанія,—единственнымъ агентомъ социальнаго прогресса, воспроизводятъ въ социологіи біологическую точку зрѣнія Дарвина, который дѣлаетъ единственнымъ факторомъ прогресса жизни обыкновенное воспроизведеніе (*generation*). Подобно тому какъ экономисты (а это не трудно видѣть) не признаютъ въ воспроизведеніи (богатствѣ) самой капитальной части, а именно изобрѣтенія, такъ Дарвинъ (съ нашей точки зрѣнія) дѣлаетъ ошибку, упуская преобладающее дѣйствіе того *неизвѣстнаго*, которое присутствуетъ, такъ сказать, въ безконечно малыхъ внутреннихъ побужденіяхъ живыхъ элементовъ и которое есть или кажется, что есть, въ фактахъ обыкновенной жизни то, чѣмъ является какое нибудь открытіе въ организациі существующихъ уже идей, или планъ генія въ ежедневномъ трудѣ рабочаго. Другими словами, Дарвинъ хотѣлъ, чтобы изъ самаго накопленія біологическихъ повтореній получались въ результатъ новыя явленія жизни, тогда какъ для насъ ясно видно повсюду вокругъ, во всѣхъ нашихъ общественныхъ организацияхъ, что сами повторенія рождаются изъ нововведеній, напр., новыя промышленныя работы изъ научныхъ теорій, подражанія изъ изобрѣтеній. Это недоразумѣніе у Дарвина аналогично съ недоразумѣніемъ у экономистовъ. А между тѣмъ очень важно различить то, что они смѣшиваютъ.

Хотя, конечно, изобрѣтатель почти всегда и трудится много, а работникъ иногда и дѣлаетъ изобрѣтенія, однако, существуютъ характеристическія черты, отличающія изобрѣтателя отъ работника. Изобрѣтать, это значитъ—испытывать въ тоже время значительное удовольствіе или радость; трудъ-же есть всегда

страданіе. Когда гений говоритъ «эврика», вся его предварительная усталость уже ничто; и, въ самомъ дѣлѣ,—значительно-ли, или незначительно было его утомленіе, долго-ли или коротко оно продолжалось,—онъ не считаетъ его ничѣмъ въ цѣнности своего открытія, въ денежномъ гонорарѣ, который онъ можетъ извлечь изъ него. Ему платятъ за его торжество, а не за страданіе. Если бы онъ умеръ за минуту до увѣнчанія своей работы, вся тягость его изслѣдованія не имѣла-бы никакой цѣнности. И цѣнность его созданія скорѣе пропорціональна интенсивности его удовлетворенія, чѣмъ интенсивности его усилія. Слѣдовательно, не видѣть въ винѣ, которое я пью, въ этомъ вагонѣ, въ который я вхожу, въ этой книгѣ «О происхожденіи видовъ», которую я перечитываю, во всемъ, что я потребляю, ничего другого, кромѣ плодовъ трудового пота, пота винодѣла, фабриканта машинъ, типографа, это — точка зрѣнія столь-же ошибочная, какъ и печальная, и гораздо болѣе справедливо, а въ тоже время и менѣе печально видѣть въ этихъ предметахъ воплощеніе энтузіастическихъ восторговъ Ноя или кого угодно—Уатта, Стефенсона, Дарвина... Можетъ показаться страннымъ, почему же человѣкъ долженъ быть вознагражденъ за то, что онъ-же самъ испыталъ счастье отъ своего открытія? Почему мы должны быть благодарны ему? Вѣдь, счастье, выпадающее изобрѣтателю, почти столь-же несправедливо, какъ красота бесполезна. Но вѣдь всякая отрасль труда или, говоря иначе, всякая справедливость происходитъ отъ этой несправедливости, какъ всякая польза есть привѣсокъ къ этой высшей бесполезности.

Во-вторыхъ, изобрѣтать, это значитъ сознательно или безсознательно отдавать себя въ жертву другимъ; трудиться-же это значитъ сознательно или безсознательно преслѣдовать свой интересъ. Для изобрѣтателя какой либо вещи она дѣлается его *idée fixe*, она владѣетъ имъ. Онъ преслѣдуетъ ее не потому, что прежде, чѣмъ онъ пожелалъ ее, онъ рѣшилъ, что въ ней его высшее благо; нѣтъ, она стала его высшимъ благомъ, потому что онъ преслѣдуетъ ее.

Работникъ, наоборотъ, знаетъ еще до начала работы тѣ

блага, которыхъ онъ ищетъ, и относится къ своей работѣ только какъ къ средству пріобрѣсти эти блага. Онъ пользуется, т. е. употребляетъ идею изобрѣтателя, который самъ былъ слугою этой идеи, находился въ пользованіи у этой идеи. Но, спросить насъ: развѣ не всегда личный интересъ является двигателемъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій? Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, если эту банальную аксіому не сводить къ чистому тождествословію, какъ дѣлаютъ всего чаще.

Если подъ этой формулой понимать то, что желаемый предметъ представляется всегда пріятнымъ, то я замѣчу, что предметъ кажется пріятнымъ именно потому, что желателенъ, и это чудодѣйственное опредѣленіе сводится въ сущности къ тому, что всегда люди желаютъ того, чего желаютъ. Но вопросъ-то въ томъ, почему того-то желаютъ больше, чѣмъ этого? Всегда-ли это происходитъ въ силу личнаго интереса (выгоды)? Никоимъ образомъ: вѣдь, личный интересъ, если придавать этому выраженію его истинное значеніе, предполагаетъ, что уже было испытано много желаній, достигалось много предметовъ безъ малѣйшаго раздумья объ этомъ (личномъ) интересѣ. Сознательно или безсознательно можно преслѣдовать *свои* блага только послѣ того, какъ они *оформились*.

Есть возрастъ и эпоха, когда мы въ первый разъ проектируемъ кругомъ себя въ обширномъ мірѣ наши желанія, какъ новыя вѣхи; это тотъ возрастъ, когда мы *формируемъ* наши блага. Затѣмъ, приходитъ другой возрастъ, когда уже образовавъ ихъ, мы ихъ *преслѣдуемъ*. Между тѣмъ, изобрѣтатель никогда не заходитъ дальше первой стадіи. И въ этомъ его отличительный признакъ. Работникъ-же сразу вступаетъ во 2-ю стадію. А изобрѣтатель, я повторяю это, отдаетъ и можетъ отдавать свой эгоизмъ,—всегда пріобрѣтенный и всегда неполный, только къ услугамъ своего первоначальнаго безкорыстія. Всѣ его расчеты имѣютъ своими данными его уместныя построенія или его страсти, которыя, имѣя иногда подражательное, иногда самопроизвольное (спонтанное) происхожденіе, находятъ жизнь при посредствѣ его, но не для него.

III.

Въ итогѣ, первыя данныя политической экономіи состоятъ изъ промышленныхъ изобрѣтеній, уже брошенныхъ въ жизнь. При посредствѣ ихъ или ими были произведены всѣ богатства, которыми занята эта наука. Слѣдовательно, такъ какъ совѣты, даваемые ею, обращаются къ работникамъ, а не къ изобрѣтателямъ, и такъ какъ утверждения, дѣлаемая ею, носятъ черты дѣятельности первыхъ, а не вдохновеній (интуицій) вторыхъ, то можно сказать, что истинный предметъ теперешней экономической науки вовсе не производство богатствъ, а ихъ воспроизведеніе. Говоря иначе, она изучаетъ просто, и безъ малѣйшихъ сомнѣній только законы подражанія, съ своей точки зрѣнія. Въ дѣйствительности-же, безъ распространенія сверху внизъ примѣровъ, а именно примѣровъ дѣйствій производителей или потребностей потребителей, въ геометрической прогрессіи, посредствомъ обычая или моды и т. п. ничто необъяснимо экономически. Соображенія этого рода должны наполнять первую часть политической экономіи. Но она замыкается исключительно въ ту область, которая должна-бы быть ея второй частью, т. е. въ изученіи цѣнности.

Перейдемъ къ этому трудному изслѣдованію, вступимъ въ лабиринтъ, гдѣ принципы логики, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ понимаемъ, послужатъ намъ руководящей нитью, и мы увидимъ, что экономисты смѣшали здѣсь то, что является отличительнымъ признакомъ индивидуальнаго цѣлесообразованія (телеологіи) съ тѣмъ, что касается телеологіи общественной *), и не отличаютъ

*) Индивидуальная телеологія такъ различна отъ телеологіи общественной, что одна часто возрастаетъ въ ущербъ другой. «Въ обществѣ дикарей, — говоритъ Джонъ Стюартъ Милль, — какой нибудь человекъ, обладающій отъ природы хорошими дарованіями, можетъ сдѣлать гораздо больше предметовъ (чѣмъ цивилизованный); гораздо легче приспособляетъ средства къ цѣли; онъ больше способенъ устранить отъ себя (какъ и отъ другихъ) какія либо непредвидѣнные препятствія, чѣмъ 99 изъ тѣхъ, которые знаютъ только то, что называется цивилизованной жизнью». Но «по мѣрѣ того, какъ человекъ теряетъ качества дикаря, онъ становится болѣе способнымъ къ дисциплинированію, къ исполненію плановъ, рас-

телеологической борьбы между желаніями, противорѣчащими другъ другу, отъ телеологической комбинаціи желаній, взаимнопомогающихъ другъ-другу.

Слово богатство было принято какъ синонимъ полезности. Полезнымъ предметомъ или полезной услугой называются такіе предметы или услуги, которые соотвѣтствуютъ желанію, постоянно создаваемому или специфлируемому, какъ мы видѣли, при посредствѣ изобрѣтенія. Кромѣ того, понятіе полезности не касается того, чтобы это желаніе не было побораемо другимъ желаніемъ, а изобрѣтеніе, эта мать даннаго желанія, не противорѣчило бы другому изобрѣтенію. Однако, когда желаніе, которому отвѣчаетъ какой нибудь предметъ или услуга, удовлетворяются только путемъ жертвованія однимъ желаніемъ ради другого, въ такомъ случаѣ полезность избраннаго предмета или услуги не бесплатна, она пріобрѣтаетъ стоимость: данный предметъ или услуга стоятъ столько, во сколько они *обошлись*. Я полагаю, однако, что цѣнность въ этомъ смыслѣ имѣетъ значеніе телеологическаго поединка, какъ я уже указалъ *). Но я настаиваю также, что это не единственный смыслъ и что есть другой, обозначаемый обыденной рѣчью, на который не обращаютъ вниманія экономисты. Если есть желанія, борющіяся между собою, то есть и желанія, взаимно помогающія другъ другу; и когда желаніе, будучи удовлетворяемо, позволяетъ лучше удовлетворить другому желанію, полезность предмета, соотвѣтствующаго первому изъ нихъ, не только не лишена совершенно цѣнности, но, наоборотъ, *имѣетъ для насъ цѣнность* излишкомъ полезности другого предмета, способнаго удовлетворить другое желаніе. Въ этомъ

читанныхъ заранѣе и о которыхъ съ нимъ не совѣтовались, пли-же дѣлается способнымъ подчинять свои личныя желанія измышленнымъ ранѣе опредѣленіямъ и исполнять отдѣльно ту часть, которая отведена ему въ соединенномъ трудѣ многихъ. Цивилизованнаго человѣка характеризуетъ ассоціація въ трудѣ, привычка, которая, какъ и все другія способности, усиливается практикой».

*) Тутъ, очевидно, Тардъ имѣетъ въ виду борьбу двухъ желаній, навывая ее телеологической потому, что эта борьба вызывается естественно стремленіемъ къ какой либо цѣли.

Ред.

новомъ смыслѣ, обратномъ и дополнительномъ къ первому, цѣнность обозначаетъ телеологическое объединеніе *). Отличимъ же внимательно *цѣнность* — борьбу отъ *цѣнности* — помощи (или *борющуюся цѣнность* отъ *вспомогательной цѣнности*: *valeur-lutte* и *valeur-aide*, или, говоря иначе, *цѣну* вещей и силу ихъ дѣйствія, уменьшеніе ихъ полезности посредствомъ пересѣченія съ другими полезностями, которымъ они приносятся въ жертву, и увеличеніемъ ихъ полезности посредствомъ прибавленія другихъ полезностей, которыя они доставляютъ.

Весь экономическій прогрессъ состоитъ въ постоянномъ замѣщеніи вторымъ классомъ перваго. Значить-ли это, что цивилизація уменьшаетъ столкновеніе предметовъ? Ни коимъ образомъ: она умножаетъ ихъ, умножая богатства, которыя заставляютъ стучаться въ сердце столькимъ враждебнымъ другъ другу вождельніямъ; но, благодаря промышленнымъ улучшениямъ и пониженію цѣнъ, она безпрестанно ослабляетъ эти столкновенія; а въ тоже время, посредствомъ множества занятій и выходовъ, которые она открываетъ, наконецъ, путемъ безпрестаннаго прогресса въ обмѣнѣ, посредствомъ организаціи труда, путемъ сознательныхъ и бессознательныхъ ассоціацій, она умножаетъ еще быстрѣе сочетанія желаній. Но мы вернемся къ этому ниже.

Теорія цѣнности.

Замѣтимъ, что цѣнность, разсматриваемая то какъ борьба, то какъ совмѣстное дѣйствіе полезностей, можетъ быть понята въ двухъ формахъ,—въ психологической и въ экономической. Займемся сперва «борющейся цѣнностью», т. е. цѣнностью въ собственномъ смыслѣ этого слова. Для Робинзона, который колеблется, какое изъ двухъ благъ достать себѣ, поймать ли отличную рыбу, или, напр., хорошаго зайца, — приобрѣтеніе одного есть отказъ отъ другого. Если онъ колеблется между

*) Т. е. соединеніе двухъ желаній и двухъ предметовъ или услугъ для достиженія одной и той же цѣли. *Ред.*

пріобрѣтеніемъ одного блага и страхомъ бѣды, напр., между удовольствіемъ убить тигра и страхомъ быть имъ пожраннымъ, то это благо стоитъ ему опасеній бѣды. Такимъ образомъ, въ этомъ смыслѣ цѣнность есть результатъ борьбы между двумя или многими телеологическими силлогизмами (сознательными или безсознательными), изъ которыхъ каждый имѣетъ въ видѣ большой посылки испытываемую потребность, а сужденіе о средствѣ удовлетворить этой потребности—въ видѣ малой посылки; выводомъ же этого силлогизма является обязанность пріобрѣсти это средство или сохранить его (если оно уже имѣется). При колебаніи же дѣло идетъ о томъ, чтобы принести въ жертву одну изъ этихъ обязанностей другой. Чтобы перейти отъ этого чисто индивидуальнаго смысла цѣнности (борящейся — цѣнности) къ обыкновенному ея смыслу, который у насъ сдѣланъ обычнымъ благодаря обмѣну, достаточно допустить, что два блага или благо и зло, между которыми происходитъ наше колебаніе, находятся въ обладаніи двухъ различныхъ лицъ *).

Въ этомъ второмъ случаѣ, желаніе имѣть какой либо предметъ (цѣнность), принадлежащій другому лицу, вообще можетъ быть удовлетворено только посредствомъ обмѣна, или,—что сводится къ тому-же, — покупки; замѣтимъ, однако, что обмѣну предшествовалъ (въ эволюціи) грабежъ, и обмѣнъ есть лишь двусторонняя форма этого послѣдняго. Прежде чѣмъ явилась какая либо мѣновая цѣнность, скотъ имѣетъ цѣнность грабежа, когда добыча его, даваемая побѣдой надъ врагомъ, стоила ранъ и смертельнаго риска. Идея *эквивалентности* существовала, слѣдовательно, раньше обмѣна; заслуга обмѣна состоитъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ ясной эту идею. Наконецъ, обмѣнъ есть лишь коммерческое выраженіе раздѣленія труда, или, го-

*) Эта разница не имѣетъ ничего существеннаго. Вотъ молодой римлянинъ, у котораго есть красивая рабыня и хорошая лошадь; но страсть къ верховой ѣздѣ превышаетъ въ немъ любовную страсть. Можно сказать, что его лошадь стоитъ ему дорого, такъ какъ она стоитъ ему любовницы, которую онъ совершенно покидаетъ. Различается-ли въ своей основѣ этотъ случай отъ другого, когда, обладая рабыней, а не лошадью, онъ увидѣлъ лошадь у друга, прельстился ею и промѣнялъ ее на рабыню?

воря иначе, организации труда, т. е. ассоциаций, подразумеваемой или выраженной, незамыслимой или явной; онъ есть лишь замысловатый, очень старый и очень распространенный, процессъ реализовать добровольное распределение богатствъ, процессъ вѣроятно лучшей теперь, хотя и не единственно возможный. Есть другой процессъ, напр., распределение хлѣба, мяса, сахара и т. п. въ государствѣ коммунистовъ, представляющемъ окончательное возвращение къ семейному государству; этотъ процессъ, замѣняя обменъ, заставляетъ терять свое значеніе вопросъ о томъ, уравниваются ли другъ друга два продукта, и ставить на первый планъ вопросъ о томъ, содѣйствуютъ ли эти продукты общей цѣли, достигаютъ ли они того *общаго* результата, который преслѣдуется разными тружениками. Подобно этому, въ рядахъ армии, представляющей нѣчто въ родѣ военной фаланстеріи, вопросъ для каждаго солдата или офицера состоитъ не въ томъ, чтобы получить отъ другихъ услуги совершенно равныя тѣмъ, которыя они имъ оказываютъ, но содѣйствовать наивозможно лучше, хотя-бы и неравномѣрно, — общей побѣдѣ. Для хорошаго чиновника наибольшая забота состоитъ не въ томъ, чтобы трудиться столько-же, сколько работаютъ его товарищи, а въ томъ, чтобы выполнить дѣло, которымъ ему поручено завѣдывать. Во всякомъ случаѣ, если-бы идея уравнишенія (эквивалентности) въ обменѣ сдѣлалась менѣе обычной, она вовсе не исчезла-бы изъ глубины душъ (подобно тому, какъ теперь, при режимѣ *обмѣна*, идея нѣкотораго сосредоточенія всѣхъ дѣятельностей, смутнаго приспособленія ихъ къ извѣстному коллективному идеалу, хотя и играетъ меньшую роль, однако, не перестаетъ проявляться); и доказательство этого въ томъ, что коммунизмъ, если судить о немъ по первымъ шагамъ социализма, отличался-бы чрезвычайнымъ развитіемъ статистики, все болѣе и болѣе точной и общей числовой *оцѣнкой* всѣхъ продуктовъ и всѣхъ услугъ въ инвентарѣ національнаго богатства. Оцѣнить такимъ образомъ всѣ вещи, это значитъ приписать имъ цѣнность распределения, если не обменъ, это значитъ предполагать, что у нихъ есть общая мѣрка, что они способны служить эквивалентами другъ друга, равными другъ

другу по своей цѣнности; а это, повторяю, равносильно тому, если сказать, что увѣренности и желанія, связанныя со всѣми этими предметами, суть *количества*.

Въ теоріяхъ цѣнности, распространенныхъ до настоящаго времени, есть важный классъ цѣнностей, которыми занимались всего меньше, хотя онъ игралъ и еще играетъ значительную роль въ войнѣ и уголовныхъ наказаніяхъ. Я говорю объ *уравновѣшеніи* (эквивалентности) наносимаго вреда или ущерба, увы, не менѣе обычномъ для умовъ, чѣмъ уравновѣшеніе услугъ! Цѣнность намѣчаемаго *грабежа* у воиновъ или воровъ, высчитывающихъ то, во что можетъ обойтись ихъ добыча, предполагаетъ внутреннее взвѣшиваніе искомыхъ выгодъ и грядущаго риска. Съ другой стороны, когда происходитъ битва между воинами, и когда общество, которому ранѣе было причинено зло, воздастъ своему врагу за часть зла, причиненнаго имъ, то очевидно, даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ, сквозь идеи болѣе сложныя—о справедливости и общественной пользѣ, проглядываетъ на Божій свѣтъ идея эквивалентности ущерба, безъ которой не были бы объяснимы ни репрессалии во время войны, ни вендетта, ни уголовный кодексъ какого-либо народа.

Пусть теперь, если могутъ, дадутъ основаніе этой цѣнности путемъ закона спроса и предложенія или посредствомъ «рѣдкости» *), соединенной съ полезностью.

Въ общемъ выводѣ, мы настаиваемъ на томъ, что всѣ задачи относительно цѣнности сводятся къ тому, чтобы поставить на вѣсы, въ развернутомъ телеологическомъ силлогизмѣ, — желанія и увѣренности. Это было-бы очевидно въ коммунистическомъ обществѣ: почему такое-то удовольствіе отъ концерта считалось-бы тамъ стоящимъ именно такого-то билета на проѣздъ по государственной желѣзной дорогѣ, или стоило-бы въ два, три, четыре раза больше, если-бы не

*) Мъновую цѣнность вещей значительная часть экономистовъ считаетъ зависящей отъ отношенія спроса къ предложенію, при чемъ, конечно, «рѣдкость» какого нибудь предмета (напр., крупныхъ алмазовъ, старинныхъ вазъ и т. п.), повышаетъ ихъ мъновую цѣну, отчасти въ силу повышеннаго отношенія спроса къ незначительному предложенію, доступному лишь очень богатымъ людямъ. Ред.

потому, что желаніе этого удовольствія *) и желаніе имѣть этотъ билетъ, въ сердцѣ у тѣхъ, которые одновременно ихъ испытываютъ, не относилось-бы среднимъ числомъ одно къ другому, какъ единица относится къ двумъ, тремъ, четыремъ? Точно также какой нибудь пассажъ знаменитой пѣвицы въ этомъ концертѣ или несчастіе на линіи желѣзной дороги, о которой идетъ дѣло, развѣ были-бы достаточны, чтобы быстро понизить или повысить цѣну каждаго изъ этихъ предметовъ?

Ясность разсужденія зависитъ здѣсь просто отъ того, что, по гипотезѣ, богатства людей равны, т. е., ихъ нѣтъ или приблизительно нѣтъ, и отъ того, что, также по гипотезѣ, социальное треніе индивидуумовъ сгладило ихъ оригинальность до того, что они стали почти подобными, такъ что у лицъ, охваченныхъ сразу тѣми или другими различными желаніями, существуетъ пропорціональная интенсивность этихъ желаній. — Если-бы въ нашемъ обществѣ, гдѣ господствуетъ обмѣнъ, эти два послѣднихъ условія были совершенно выполнены, нашъ способъ смотрѣть на дѣло примѣнился-бы къ нему безъ малѣйшихъ затрудненій. Но, какъ извѣстно, доходы въ немъ неравны и почти не меньше неравенство фантазій и вождѣленій. Отсюда возникаютъ двѣ причины усложненій, которыя объясняютъ кажущуюся темноту предмета. Попытаемся освѣтить этотъ пунктъ.

Предположимъ, что, на одномъ изъ нашихъ рынковъ всѣ лица, желающія приобрести данный продуктъ, обладаютъ одинаковымъ богатствомъ, и что желаніе приобрести этотъ продуктъ у каждаго изъ нихъ имѣетъ одну и ту же пропорціональную интенсивность, сравнительно съ интенсивностью ихъ другихъ желаній. Результатомъ будетъ то, что каждый изъ нихъ расположенъ заплатить одинаково, если нужно, за удовлетвореніе своего желанія, одну и ту же *максимальную* часть всего своего дохода, напр., 1000 франковъ. Почему? Потому что среди всѣхъ различныхъ желаній, удовлетвореніе которыхъ можно получить посредствомъ

---

*) Я опускаю здѣсь для простоты элементъ увѣренности, т. е. большого или меньшаго довѣрія къ достоинствамъ этого товара или этого билета.

этой суммы, и которыя должны быть принесены въ жертву одному изъ нихъ посредствомъ употребленія этихъ 1000 франковъ, наиболѣе интенсивно, хотя и не очень, еще то желаніе, которое удовлетворяется даннымъ продуктомъ. Но если цѣна его выше, т. е., напр. 1,100 франковъ, то впередъ выступать болѣе сильныя желанія и одержать верхъ надъ этимъ. Значить, эта цѣна устанавливается какъ слѣдствіе *внутренней борьбы*, имѣющей мѣсто также и въ сердцѣ каждаго предполагающаго совершить эту-же покупку. Отсюда, съ точки зрѣнія установленія цѣнъ, что значило-бы число лицъ конкурирующихъ (по крайней мѣрѣ, если каждое изъ нихъ соображается со своими выгодами и не испытываетъ контагіознаго неразумнаго вліянія чужихъ желаній)? Будь ихъ сто человекъ или одинъ миллионъ, фабрикантъ, котораго, для упрощенія задачи мы предположимъ монополистомъ, будетъ вынужденъ, если онъ знаетъ это положеніе, — продавать свой товаръ за 1000 франковъ, ни больше, ни меньше. Онъ будетъ производить больше или меньше, сообразно числу предусматриваемыхъ покупателей, но цѣна не измѣнится *).

Значить, конкуренція продавцевъ не играетъ никакой роли въ этомъ случаѣ (т. е. въ повышеніи цѣнъ или въ *максимальной* цѣнѣ. *Ред.*) Существенно и сама по себѣ она не дѣйствуетъ нисколько на цѣны (максимальныя *Ред.*), несмотря на противоположный предразсудокъ. Число лицъ, *жаждущихъ* какого либо предмета, вліяетъ лишь косвенно на его цѣну, расширяя разстояніе состояющихся богатствъ самыхъ высокихъ и самыхъ низкихъ, желаній самыхъ сильныхъ и самыхъ слабыхъ, и такимъ образомъ возбуждая до крайности духъ борьбы и соревнованія.

*) Тардомъ упускается здѣсь изъ вида конечно, временно и условно, *минимальная* цѣна предмета и изслѣдуется только *максимальная*. Упускается потому-же изъ вида то, что съ увеличеніемъ числа покупателей продавецъ получаетъ въ общей суммѣ большій барышъ, если цѣна остается прежней. А это должно имѣть вліяніе, понижающее цѣны, такъ какъ тотчасъ-же привлечетъ новыхъ продавцевъ даннаго продукта, вызоветъ конкуренцію между ними, а стало быть, и *пониженіе* цѣнъ. Тардъ-же для простоты предположилъ одного монополиста продавца, такъ какъ на повышеніе цѣнъ конкуренція продавцевъ, дѣйствительно, не вліяетъ. *Ред.*

Какъ-бы ни было мало государство, но если неравенство условій въ немъ очень велико, то предметы «рѣдкіе» предлагаются въ немъ за цѣны чрезвычайныя; и какъ-бы ни было обширно государство, но когда личныя условія въ немъ уравниваются, ослабѣваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайная высота исключительныхъ цѣнъ. Цѣны могутъ даже довольно хорошо служить мѣриломъ прогресса нивелированія въ обществѣ. Если за старинный переплетъ платится 2000, 3000, 4000 франковъ, это доказываетъ не то, что существуетъ конкурирующая взаимно толпа библиомановъ, но что есть библиоманы—богачи (быть можетъ, только двое), которые, еслибы они не истратили такимъ образомъ этой суммы, ломали-бы себѣ голову надъ вопросомъ, какой-бы имъ удовлетворить фантазіи, столь-же и даже болѣе дорогой ихъ сердцу, чѣмъ эта, съ той-же суммой, какъ-бы легкомысленна ни была эта фантазія. Прежде, чѣмъ рѣшиться, любитель, который надбавилъ цѣну, видѣлъ передъ глазами быстро проходящій рядъ образовъ своихъ различныхъ фантазій, которыя онъ хотѣлъ-бы или могъ-бы удовлетворить; онъ тоже взвѣшивалъ ихъ по своему вкусу на невидимыхъ вѣсахъ своего сознанія и нашель, что желаніе обладать этимъ мало артистическимъ курьезомъ въ немъ еще перевѣшиваетъ остальные желаньяца *).

Если, какъ думаетъ доказать Леруа Болье, наши социальная эволюція направляется къ почти полному уравниенію общественныхъ ранговъ и частныхъ богатствъ, если, кромѣ того, сглаживаніе отличительныхъ расовыхъ и помѣстныхъ чертъ, правильное однообразіе занятій, умноженіе путешествій должны привести со временемъ къ полному сходству ашетитовъ, вкусовъ, даже капризовъ, если наконецъ успѣхи разума надъ страстями остудятъ и ослабятъ жаръ соровнованія, пламя аукціонныхъ надбавокъ и т. п., то гипотезѣ, которую я сейчасъ изложу, суждено осуществиться въ грядущемъ. Вліяніе, даже и косвенное, конкуренціи покупателей было-бы, слѣдовательно,

*) Въ императорскомъ Римѣ увлеченіе аристократовъ павлинами и голубьями довело яйца голубей особой породы до 280 франковъ за штуку, а павлиновъ—до 5¹/₂ фр.

одной изъ тѣхъ вѣковыхъ отклоняющихъ причинъ, дѣйствіе которыхъ долженъ уничтожить прогрессъ; и пришелъ-бы день, когда проявилась-бы ясно та истина, уже извѣстная, что цѣнность вещей опредѣляется внутренней вѣскостью желаній, а также и настолько-же увѣренностей, объекты которыхъ въ остальномъ разнородны.

Правда, быть можетъ, — замѣтимъ мимоходомъ, — не слѣдовало-бы очень увлекаться этими прекрасными надеждами. Легко доказывается, что всѣ большіе, обыкновенные экономическіе факты: пониженіе земельныхъ доходовъ и вообще всѣхъ привилегій промышленнаго и земледѣльческаго положенія прогрессомъ дорожнаго дѣла, пониженіе процента прибыли меньшей производительностью капиталовъ, подъемомъ заработной платы и т. п. — сходятся къ демократическому уравнию условій, какъ легко доказать, что всѣ обыкновенные геологическіе факты: размывъ и пониженіе горъ водами, уравниеніе долинъ и морского дна дѣйствуютъ совмѣстно въ направленіи уплощенія или нивелированія поверхности земли. Но и тамъ, и здѣсь рассчитываютъ на это безъ промежуточныхъ скачковъ, поднимающихъ новыя горы или заставляющихъ являться какого нибудь Цезаря, основателя династіи, опирающагося на контрфорсы импровизированной аристократіи. И нужно замѣтить, что горы, поднявшіяся въ самыя новѣйшія времена, — самыя высокія. Наконецъ, то чувство, которое составляетъ душу и опору всякой аристократіи, — а именно культъ успѣха, — не кажется склоннымъ къ уменьшенію; и нельзя сказать, что именно мы еще можемъ увидѣть при первомъ-же большомъ взрывѣ славы и гордости. Затѣмъ будемъ осторожны и оттого, что характеръ цивилизаціи, находящейся въ состояніи прогресса, *есть возрастающая легкость, которую она сообщаетъ индивидуальному плану, вошедшему въ моду, торжествовать быстро и вполне.*

Обращаясь вновь къ соображеніямъ болѣе мелкимъ, можно замѣтить, что если процентъ прибыли понижается вслѣдствіе истощенія древнихъ изобрѣтеній, то могутъ являться другія великія открытія, которыя въ состояніи будутъ привести насъ на иномъ пути къ высокимъ доходамъ.

Значить, ничто не представляет столь малой вѣроятности, какъ уравненіе общественныхъ ранговъ и богатствъ; а что касается уравненія желаній путемъ сліянія расъ и классовъ, оно можетъ быть только замѣной безконечныхъ индивидуальныхъ оттѣнковъ безъ рѣзкихъ цвѣтовъ нѣсколькими рѣзкими цвѣтами безъ промежуточныхъ оттѣнковъ.

Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, неравенство частныхъ богатствъ и душъ не помѣшаетъ нѣсколько стойкой и нормальной цѣнѣ опредѣляться въ цѣломъ *психологической конкуренціей* желаній и увѣренностей, а не *конкуренціей покупателей*. Только это труднѣе будетъ распутать, какъ мы это видѣли.

Теперь посмотримъ, каково дѣйствіе на опредѣленіе цѣнъ конкуренціи другъ съ другомъ *продавцевъ, производителей (protecteurs)*?

Правда-ли, что это дѣйствіе стремится понизить цѣны до крайней границы, намѣчаемой наименьшей стоимостью производства подобныхъ товаровъ, такъ что этой границѣ соответствуетъ единственная устойчивая и нормальная, а въ тоже время и единственно справедливая цѣна?

Нѣтъ.

Конечно, въ гипотетическомъ обществѣ, въ которомъ привилегіи промышленнаго или земледѣльческаго положенія были-бы устранены, гдѣ ни одинъ продуктъ не былъ-бы въ ограниченномъ, недоступномъ количествѣ, гдѣ все продукты были бы способны расширять свой ростъ съ совершенной упругостью безъ пропорціональнаго увеличенія издержекъ, гдѣ талантъ предпринимателя, ловкость рабочихъ, орудія и средства производства были-бы равны и подобны, гдѣ, наконецъ, все лучшіе процессы фабрикаціи оглашались бы и становились извѣстны всемъ конкурентамъ, т. е. гдѣ все изобрѣтенія, не только старыя, но и новѣйшія, дѣлались бы предметомъ общаго пользованія, — въ такой химерической гипотезѣ, борьба до крайности между производителями *мобла-бы* заставить цѣны упасть почти до указанныхъ выше границъ. Но для чего предполагать такое множество невозможностей сразу, какъ будто бы онѣ были самымъ обык-

новеннымъ случаемъ? Въ тотъ моментъ, когда этотъ идеаль экономистовъ кажется приближающимся къ намъ немного, посмотрите, какіе огромныя магазины возникаютъ. Какое дѣло, наконецъ, покупщику, больше или меньше труда и усилій сконденсировано въ томъ или другомъ товарѣ? Эти усилія *были* нѣкоторымъ желаніемъ, котораго уже *нѣтъ*. Довѣріе къ пользѣ этого усилія, являвшееся его источникомъ, было увѣренностью, которой также *уже нѣтъ*. Будемъ говорить о теперешнихъ, единственно реальныхъ желаніяхъ—обладать извѣстными выгодами,—о теперешней, единственно реальной увѣренности, что данная вещь имѣетъ способность осуществить такія-то выгоды. Вотъ источникъ цѣнности. Въ какомъ нибудь городѣ старые дома, постройка которыхъ стоила дешевле, продаются и нанимаются по той же цѣнѣ, какъ и новые, и даже дороже, если они находятся въ центральной части города. Земля, которую воздѣлывать легче, чѣмъ всѣ другія, продаетъ свои продукты по той-же цѣнѣ, какъ и самыя неблагодарныя почвы.

Итакъ, перестаетъ ли, цѣна быть вѣрной, если она устанавливается изобрѣтателемъ, получившимъ привилегію эксплуатировать только самому свое изобрѣтеніе? Навѣрное, она можетъ быть устойчивой, хотя значительно превышающей издержки производства. Она можетъ быть выше ихъ, оставаясь даже немного ниже тѣхъ цѣнъ остальныхъ конкурентовъ, которыхъ они не могли бы понизить безъ убытка. Разстояніе между прибылью привилегированнаго фабриканта и прибылью его конкурентовъ можетъ быть безмѣрно. Побѣдоносный производитель, разъ онъ устранилъ своихъ противниковъ, обладаетъ возможностью пользоваться всѣмъ этимъ разстояніемъ для опредѣленія самому своихъ цѣнъ, руководясь исключительно закономъ собственной выгоды. На чемъ-же въ такомъ случаѣ онъ будетъ основывать свои расчеты? Какъ монополистъ (см. выше), онъ руководится единственно тѣмъ, что ему извѣстно о богатствѣ публики и о болѣе или менѣе неравномъ распредѣленіи этого богатства. Если бы всѣ вкусы были совершенно сходны и богатства всѣхъ равны, то цѣны не измѣнялись-бы, какъ бы ни былъ обширенъ его рынокъ и какова бы не была цифра

его кліентовъ. Ему было бы достаточно *прочестъ лишь въ одномъ сердцѣ* пропорцію его желаній, чтобы уже знать, что происходитъ и въ другихъ сердцахъ. Такъ какъ богатства и вкусы не равны, то проницательность должна быть гораздо больше и сложнѣе. Если его производство ограничено, напр., какъ производство вина, хлопчатобумажныхъ тканей, вслѣдствіе недостатка ввоза хлопка и т. п., онъ разсуждаетъ такъ, или долженъ разсуждать такъ: «у меня для продажи тысяча предметовъ; мой рынокъ состоитъ изъ ста тысячъ лицъ, доходы которыхъ колеблются между тысячью франковъ и миллиономъ. Но у меня должна быть одна цѣна для всѣхъ, для бѣдныхъ и богатыхъ *). Это совершенно неправильно; однако, эта вопіющая, но неизбѣжная несправедливость вынуждается обычаями, нравами и привычкой. О, если-бы я могъ выдѣлять каждаго богатаго кліента, держа его въ полномъ невѣдѣніи о цѣнѣ, по которой покупаютъ мои товары его сосѣди менѣе богатые или просто бѣдные, и заставить его платить цѣну, специально назначенную для богатыхъ! Самая высокая цѣна, которую онъ согласился-бы дать, была-бы той цѣной, на уровнѣ которой почти прекращалось-бы для него преобладаніе желанія—имѣть мой товаръ—надъ различными другими желаніями, которыми онъ можетъ удовлетворить той-же суммой денегъ и которыя

*) По поводу этого необходимаго единообразія цѣны сдѣлаю оговорку. Оно существуетъ лишь настолько, насколько покупатели сообщаются другъ съ другомъ и испытываютъ потребность подражать другъ другу. Во многихъ лечебныхъ курортахъ существуютъ двѣ цѣны, одна для пріѣзжихъ иностранцевъ, другая для мѣстныхъ жителей. Когда финикіане шли съ одного берега на другой, продавая вазы, стеклянные вещи, пурпуровыя ткани, предметы ассирійскаго и финикійскаго искусства, стараясь распродать весь этотъ товаръ среди различныхъ народовъ, не знавшихъ другъ друга и обладавшихъ весьма различными уровнями богатства, то очень вѣроятно, что ихъ цѣны (я понимаю ихъ цѣны въ смыслѣ естественнаго обмѣна, такъ какъ они не знали денегъ) были далеко не постоянны, какъ въ нашихъ главныхъ магазинахъ. Ихъ требованія мѣнялись отъ одной цѣны до двойной или четверной или въ десять разъ большей, смотря по богатству покупателей и ихъ желанію купить, которое читалось въ глазахъ. Въ средніе вѣка установилось нѣчто въ родѣ текущихъ цѣнъ за выкупъ плѣнныхъ. Но кромѣ того, были исключительныя цѣны, не входившія въ общее правило, напр., нѣкоторыхъ королей, Бертрана дю Гесклена и т. п.

онъ долженъ будетъ или принести въ жертву желанію имѣть мой товаръ, или отказаться отъ него. Въ моментъ покупки, въ немъ установилась-бы почти съ болью борьба капризовъ или потребностей, среди которыхъ капризъ или потребность въ моемъ товарѣ перевѣшивали бы очень немного. Къ несчастью, — продолжалъ-бы продавецъ, — моя цѣна должна быть неизмѣнна (*grich-fixe*) и должна быть такой, при которой, въ тысячи сердцахъ на сто тысячъ, внутренняя борьба, упомянутая выше, склонялась бы въ пользу того частнаго желанія, которому удовлетворяетъ мой товаръ. Въ дѣйствительности эта борьба была-бы ярко-выраженной только у бѣднѣйшихъ среди этой тысячи моихъ покупателей; для остальныхъ-же, чѣмъ они богаче, тѣмъ менѣе вѣски будутъ желанія, съ которыми вступаетъ въ борьбу желаніе моего товара, тѣмъ будутъ все легче и легче лишенія, вынуждаемыя расходомъ на мой товаръ, если будутъ такіа лишенія. Для нихъ нѣтъ трудностей: если-бы я потребовалъ съ нихъ за мой товаръ на нѣсколько сантимовъ или на нѣсколько франковъ больше или меньше, они не ушли-бы отъ меня. Значить, не долженъ-ли я заботиться только о самыхъ бѣдныхъ среди той тысячи, которая мнѣ нужна. Для меня *весь вопросъ въ томъ*, перевѣситъ-ли *у нихъ* то желаніе, которому удовлетворяетъ мой товаръ, — интенсивность тѣхъ желаній, которымъ они могутъ удовлетворить, если я повышу мою цѣну на эти нѣсколько франковъ или сантимовъ» *).

Въ случаяхъ, когда дѣло шло-бы о продуктахъ, способныхъ къ неограниченной выдѣлкѣ, задача усложняется, потому что она заключаетъ въ себѣ двѣ неизвѣстныхъ величины, при этомъ являющіяся функціями другъ друга, а именно: ка-

*) Насколько вѣрно выражаетъ это разсужденіе дѣйствительную сущность цѣны, доказывается существованіемъ для богатыхъ людей особыхъ «модныхъ» портныхъ, портнихъ, рестораноу, магазиновъ, гдѣ почти совершенно тѣже товары и услуги, но рассчитанные только на извѣстное количество богачей (или подражателей богачамъ) продаются въ десятки разъ дороже. И богатые люди, а также ихъ подражатели, тянущіеся изъ послѣднихъ силъ, идутъ только туда, чтобы сознать себя стоящими *внѣ толпы*, покупающими все не тамъ, гдѣ покупаетъ «чернь». Тутъ вліяніе на цѣны субъективнаго «гонора» особенно очевидно. *Ред.*

кое количество товара я долженъ произвести и какую назначить цѣну, чтобы получить наибольшую выгоду? Но данныя остаются тѣже. Не слѣдуетъ никогда забывать, что *желаніе купить* предметъ есть въ нѣкоторомъ родѣ остатокъ отъ вычитанія, т. е. излишекъ *желанія обладать* предметомъ надъ нежеланіемъ израсходовать деньги, которыхъ онъ стоитъ. Здѣсь существуетъ желаніе положительное и желаніе отрицательное; второе изъ нихъ нейтрализуетъ отчасти первое, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Ибо, послѣ покупки, израсходованныя деньги забываются въ силу своего отсутствія, а видъ предмета поддерживаетъ постоянно желаніе обладать имъ, размѣръ котораго теперь обнаруживается вполне.

Относительно какого-либо товара, цѣна котораго обозначена, публика раздѣляется на двѣ части: люди, у которыхъ желаніе даннаго товара перевѣшиваетъ желаніе сохранить у себя деньги, равныя его цѣнѣ, и люди, которые наоборотъ, больше желаютъ сохранить у себя ту сумму, которую пришлось-бы отдать за него. Но легко понять, что за этой идеальной демаркаціонной линіей, по ту и по другую сторону ея, были-бы теоретически безконечныя степени, болѣе или менѣе выраженные. Въ политической экономіи имѣютъ въ виду только лицъ, у которыхъ перевѣшиваетъ желаніе приобрести. Тѣмъ не менѣе, слѣдовало-бы сказать, что, смотря потому, больше или меньше перевѣшиваетъ это желаніе имѣть данный предметъ, *цѣна даннаго предмета* для каждаго изъ нихъ больше или меньше. Это было-бы новымъ значеніемъ слова цѣнность. Наоборотъ, занимаясь тѣми, кто не желаетъ купить предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, и которые болѣе или менѣе сильно отгоняютъ мысль о его покупке за цѣну считаемую ими излишней, я прибавилъ-бы, что тутъ существуютъ элементы *противу-цѣнности*, способныя къ столькимъ-же ступенямъ, какъ и соответствующая *цѣнность*, и очень помогающія, благодаря своей противоположности, понять действительно количественную сторону этой противоположности.

Но отдаемъ выводъ:

я сказалъ достаточно, — боюсь даже не черезъ-чуръ-ли

много, — чтобы показать, какова та настоящая конкуренция, которой должны-бы заняться экономисты; это не конкуренция потребителей и производителей, но конкуренция различных желаний и различных увѣренностей въ каждомъ отдельномъ потребителѣ. Мой методъ, — повторяю еще разъ, — состоитъ въ томъ, чтобы свести въ концѣ-концовъ всѣ экономическія задачи, каковы-бы онѣ ни были, къ относительному и силлогическому вѣсу желаній и увѣренностей.

Въ томъ, что говорилось выше, я избѣгала гипотезы, совершенно невѣроятной, хотя и излюбленной экономистами, — по которой, если-бы были устранены всѣ привилегіи положенія и другія, то совершенно свободная конкуренция между фабрикантами стремилась-бы понизить цѣны. Но даже и къ этой гипотезѣ развѣ нельзя было-бы примѣнить вышеизложенной теоріи цѣнности въ томъ, что въ ней существенно? Однако, слѣдуетъ-ли думать, что пониженіе цѣны дошло-бы до крайней границы, опредѣляемой стоимостью производства или около того? Нѣтъ. И прежде всего потому, что, — разъ дѣло идетъ о предположеніяхъ, — можно сдѣлать другое, не менѣе вѣроятное предположеніе, а именно, что всѣ производители, въ общихъ своихъ интересахъ, стоворятся, чтобы охранить себя отъ этой разрушительной для нихъ бездны. Въ такомъ случаѣ, установилось-бы нѣчто въ родѣ коллективной монополіи, и мы пришли-бы къ случаю, о которомъ уже говорилось ранѣе, къ случаю, когда производители сами устанавливаютъ цѣны на свой продуктъ, согласно закону наибольшей выгоды. Въмѣсто одного производителя, тутъ было бы 10, 100, 1000, которые спрашивали-бы себя, до какого пункта, — *имѣя больше или меньше въ виду силу вкусовъ публики*, — увеличеніе числа покупателей, произведенное уменьшеніемъ цѣны продаваемыхъ предметовъ, будетъ давать увеличеніе чистаго барыша. И, согласившись, они останавятъ цѣну на этой границѣ *).

*) Наша теорія цѣнности находитъ себѣ очевидное подтвержденіе въ дѣлѣ вооруженія. Цѣны, по которой продаются какому-нибудь правительству — ружейный стволъ, патроны, броненосцы и т. п., зависятъ отъ той сравнительной нужды, — относительно другихъ его одновременныхъ

Однако, допустимъ все, что угодно; предположимъ, что это соглашеніе производителей вовсе не имѣетъ мѣста. До чего можетъ упасть цѣна самаго продукта? Не до стоимости производства, но до того пункта, на которомъ выгода производителя будетъ ниже (говоря иначе, менѣе для него желательна), чѣмъ выгоды, которыя онъ могъ-бы получить, обратившись къ другимъ родамъ производства (фабрикаціи).—Здѣсь конкуренція желаній, этой основы цѣнъ, имѣла-бы мѣсто въ сердцахъ производителей, а не потребителей. Но объясненіе здѣсь тоже самое.

Хотя, какъ мы сказали, въ общемъ цѣна устанавливается фабрикантами, однако, можетъ случиться, что вынужденные продавать въ короткій срокъ и ликвидировать свое положеніе, комерсанты будутъ зависѣть отъ публики. Тогда уже потребитель назначаетъ свои цѣны. Но онъ всегда дѣлаетъ это,—безъ дальнѣйшихъ соображеній,—согласно выраженному мною взгляду. Онъ предлагаетъ самую низкую цѣну, какую только комерсантъ можетъ предпочесть отсутствію продажи, т. е. такую цѣну, которая при малѣйшемъ пониженіи, прекратила-бы у продавца желаніе продавать.

Въ самомъ дѣлѣ, это чрезвычайно просто и мнѣ даже со-

потребностей,—какую имѣетъ это правительство въ вооруженіи; отъ большаго или меньшаго довѣрія, которое оно имѣетъ къ дѣйствительному значенію и достоинствамъ оружія, предлагаемаго ему; наконецъ, отъ состоянія его ресурсовъ, его бюджета или его кредита. Далѣе, очевидно, что эта цѣнность порождена изобрѣтеніемъ, изъ котораго возникло данное вооруженіе, и достаточно новаго изобрѣтенія, считающагося болѣе дѣйствительнымъ, чтобы почти совершенно обезцѣнить всѣ старые образцы, всѣ старые типы кораблей и т. п., такъ что, если я говорю «почти», то потому только, что въ концѣ концовъ новыя изобрѣтенія всегда дѣлаютъ лишь то, что уменьшаютъ полезность предъидущаго и устраиваютъ его превосходство, а выгоды этого пониженія остаются пріобрѣтеніемъ публики, которая отказывалась-бы отъ данной потребности, если-бы была вынуждена къ этому черезъ-чуръ большими требованіями новаго изобрѣтателя. Если изобрѣтатель химическихъ спичекъ пожелалъ бы продавать ихъ очень дорого, публика продолжала-бы пользоваться кремнемъ и огнемъ.

Но если мое объясненіе примѣняется съ полной ясностью къ вооруженію, то есть-ли какое-либо основаніе, что-бы оно не примѣнялось, въ сущности, къ какой угодно другой формѣ товара?

вѣстно развивать идею до такой степени осязательную. Но мнѣ кажется полезнымъ разъяснить и упростить предметъ чрезвычайно темный или, говоря точнѣе, весьма затемненный.

Это опредѣленіе устойчивой цѣны, настоящей цѣны предметовъ внутреннимъ и незамѣчаемымъ вѣсомъ психологическихъ количествъ до такой степени лежитъ въ природѣ вещей, что въ гипотезѣ самыхъ абсолютныхъ соціальныхъ переменъ, о какихъ мечтаютъ наиболѣе умѣренные коммунисты, ея необходимость еще оказывала-бы свое дѣйствіе. Кричатъ противъ городской земельной ренты, противъ огромныхъ цѣнъ за наемъ помѣщеній, и думаютъ прекратить это положеніе дѣлъ посредствомъ коммунизма. Но если-бы собственникомъ всѣхъ домовъ Парижа было государство, то, несмотря на самое сильное желаніе понизить квартирную плату вообще, и кромѣ того уравнивать ее, не замѣтно - бы возникло препятствіе этому въ притокѣ иностранцевъ и провинціаловъ, и сдѣлало-бы цѣны не равными, чтобы помѣшать всѣмъ парижанамъ стремиться къ кварталамъ, на которыя имѣется наибольшій спросъ. Все равно, эгоистъ или благотворитель, но когда дѣло идетъ о предметахъ, ограниченныхъ числомъ, составляющихъ предметъ желаній огромнаго числа людей, то невозможно достигнуть уравненія между вещами, которыя приходится давать или продавать, и кандидатами на такую отдачу или продажу—иначе, какъ поднятіемъ цѣнъ или условій отдачи. Быть можетъ, предпочитали-бы и находили болѣе справедливымъ, чтобы, между множествомъ соревнующихъ, стремящихся занять одно и тоже удобное жилище по очень дешевой цѣнѣ, государство-филантропъ произвольно указывало своихъ фаворитовъ? Но граница, на которой какъ безкорыстное государство, такъ и жадный собственникъ остановили-бы необходимое поднятіе цѣнъ или условій, была-бы тамъ, гдѣ прекращалось-бы достаточное число кандидатовъ, которые считали-бы выгоднымъ принять эти цѣны, взвѣсивъ фактъ своихъ различныхъ желаній, и разныхъ увѣренностей въ пользѣ соотвѣствующихъ предметовъ.

Формы и природа этого внутренняго вѣса могутъ измѣняться и давать несогласные результаты; но они-то всегда

и опредѣляютъ цѣну. У людей принципіальныхъ, которыми больше руководятъ ихъ убѣжденія, чѣмъ страсти, желаніе купить происходитъ въ моментъ когда они болѣе *убѣждены* въ необходимости или обязанности приобрести данную вещь, чѣмъ въ необходимости купить какую нибудь другую, стоящую столько-же.

Но гораздо чаще, когда существуетъ колебаніе—купить или нѣтъ, начинаютъ оцѣнивать сравнительно дозы увѣренности и дозы желанія, какъ говорилось выше. Между двумя продающимися промышленными акціями, изъ которыхъ одна даетъ $4\frac{3}{4}\%$ и очень солидна или кажется таковой, а другая, сомнительной солидности, даетъ 7—8%, я спрашиваю себя: на какую сторону я долженъ склониться. Дѣло идетъ о томъ, чтобы свести два разнородныхъ качества къ общему мѣрилу, что было-бы невозможно, если-бы, одно изъ нихъ, *увѣренность*, не была терминомъ, началомъ и причиной другой.

Все вышесказанное относится только къ цѣнѣ, которую я назвалъ устойчивой и нормальной и которую, быть можетъ, было-бы удобнѣе назвать естественной или вынужденной. Теперь скажемъ два слова о справедливой цѣнѣ. Кѣмъ-бы ни была установлена цѣна, заработная плата и т. п., продавцемъ или работникомъ, покупателемъ или хозяиномъ, она можетъ быть устойчивой, не будучи справедливой. Когда она станетъ справедливой? Всегда-ли она дѣлается таковой, когда опредѣляется согласіемъ всѣхъ, вслѣдствіе свободнаго обсуждения? Условія такой совершенной свободы весьма рѣдко осуществляются. Но даже и допустивъ ихъ осуществленіе, почему-бы согласіе двухъ силъ обладало качествомъ дѣлать справедливой ту цѣну, которая безъ этого была несправедлива? Значитъ, никогда нѣтъ оснований, раньше обсуждения, считать какую-нибудь цѣну справедливой или несправедливой, и нравственное чувство публики, часто протестующей столь энергически противъ несправедливости нѣкоторыхъ принятыхъ требованій, могло-бы опредѣляться химерами и ложью.

Если, устранивъ понятіе о свободѣ, опираются на понятіи равенства для установленія справедливыхъ цѣнъ, то кажется, что идутъ по лучшему пути, но онъ совершенно неясенъ и теменъ,

по немъ бредятъ ощупью, по крайней мѣрѣ, если не признають нашей точки зрѣнія. Понятно, что не можетъ быть вопроса о цѣнѣ равной для всѣхъ: въ этомъ отношеніи всѣ наши современныя цѣны были-бы самой справедливостью. Говорится о цѣнѣ пропорціональной труду или продукту, или потребностямъ: сколько тутъ количествъ совершенно чуждыхъ другъ другу, если ихъ не разложить! Скажемъ болѣе: непристрастнымъ зрителемъ цѣна разсматривается какъ справедливая, когда въ его глазахъ двѣ договаривающіяся стороны находятъ въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, равную выгоду, т. е. удовлетвореніе равныхъ желаній, хотя-бы и несходныхъ, или равное обезпеченіе на послѣдующее удовлетвореніе равныхъ желаній, или хотя-бы и не равное обезпеченіе удовлетворитъ не равнымъ желаніямъ, но такимъ способомъ, чтобы существовало уравниженіе (компенсация) между наибольшимъ обезпеченіемъ меньшаго желанія и меньшимъ обезпеченіемъ болѣе сильнаго желанія. Я не настаиваю, что непристрастный зритель, о которомъ идетъ дѣло, имѣетъ сознаніе о психологическомъ расчетѣ, который я ему приписалъ здѣсь, но онъ, конечно его дѣлаетъ *), не подозрѣвая объ этомъ.

Напримѣръ, въ кузницѣ, состоящей изъ хозяина и одного работника, которые по гипотезѣ имѣютъ одинаковую трудоспособность и усердіе, жалованье, уплачиваемое хозяиномъ работнику, будетъ найдено непристрастнымъ зрителемъ справедливымъ (имѣя въ виду прибыль перваго), когда почти полная увѣренность у втораго въ возможности доставить себѣ за эту цѣну слабую степень благосостоянія является для него уравниженіемъ слабой надежды у хозяина получить болѣе широкое довольство. Но если прибыль хозяина также обезпечена, какъ плата работника, то непристрастному зрителю будетъ казаться несправедливымъ, чтобы эта прибыль хозяина была выше заработной платы.

*) Когда говорить, что въ цивилизованной странѣ болѣе сильная вѣроятность меньшаго страданія при наказаніи, уравниваетъ болѣе слабую вѣроятность болѣе суроваго наказанія, то стоять на этой-же точкѣ зрѣнія.

Весьма понятно, что иначе будетъ на большой фабрикѣ, гдѣ часто самъ предприниматель содѣйствуетъ одинъ производству, благодаря предусмотрительности, силѣ комбинацій и т. п., столько-же, сколько всѣ рабочіе вмѣстѣ. Почему? Потому что здѣсь понятіе о справедливости усложняется, но не теряя въ остальномъ своей природы. Если можетъ казаться справедливымъ, чтобы покупатель какого-либо продукта или услуги находилъ въ покупкѣ выгоду равную той, которую получаетъ отъ продажи производитель или работникъ, то кажется также справедливымъ, чтобы выгоды, являющіяся результатомъ продажи, распредѣлялись между со-производителями или сотрудниками пропорціонально ихъ участию въ общемъ дѣлѣ. А что можетъ это означать, какъ не то, что избѣгнутое покупщикомъ продукта или услуги страданіе или страхъ, полученное имъ удовольствіе или увѣренность—суть вещи, способныя къ числовой оцѣнкѣ, по меньшей мѣрѣ теоретически? Отвергните это, и требуемая пропорціональность становится химерической.

Но теперь, если дѣло идетъ о распредѣленіи выгодъ, то представляются два процесса: одинъ косвенный, единственно употребляемый до сихъ поръ, это *уплата жалованья* (salariatъ); другой, прославляемый нѣкоторыми партіями *), есть участіе въ прибыляхъ, въ точномъ смыслѣ этого слова.

Такъ какъ продуктъ оплачивается по той услугѣ, какую онъ оказываетъ, а не по труду, котораго онъ стоитъ, то кажется, что работникъ-производитель долженъ получать вознагражденіе, пропорціональное услугѣ, которую, онъ будетъ найденъ давшимъ дѣйствительно и которую опредѣлить продажа, а не пропорціонально труду, будущій результатъ котораго—полезный или бесполезный въ какой-либо мѣрѣ—пока еще не-

*) Тардъ кажется, имѣеть при этомъ въ виду социалистовъ. Быть можетъ, это важно для нѣкоторыхъ изъ нихъ во Франціи, но представители рабочихъ, напр., въ Германіи (особенно послѣдователи Маркса), рѣшительно борются противъ стремленія самихъ капиталистовъ заинтересовать рабочихъ въ интересахъ капитала, дѣлая ихъ (конечно, не всѣхъ) участниками въ прибыляхъ. Такимъ образомъ, это стремленіе становится скорѣе стремленіемъ капиталистовъ. Соціалисты же (рабочіе) наоборотъ, рассчитываютъ на совершенно иное положеніе труда. *Ред.*

извѣстенъ. Но забываютъ, что работникъ не имѣетъ времени ждать продажи своего продукта и что участіе въ прибыляхъ предполагаетъ и участіе въ потеряхъ. Такъ какъ онъ не можетъ согласиться подвергать себя риску и требуетъ увѣренности въ прибыли, а не только ея вѣроятности, то неизбежно, чтобы онъ принялъ неудобства этой обеспеченности, которая ему необходима, и выгодами которой онъ пользуется. Вѣроятности, рискъ убытковъ или потерь—это роскошь, оставляемая тѣмъ, чьи потребности и нужды, т. е. почти безконечныя и абсолютныя желанія, уже удовлетворены. Желанія меньшія, желанія относительныя одни только могутъ быть предметомъ полу-обеспеченности, т. е. относительной и слабой увѣренности. Но относительно важныхъ желаній должна быть и увѣренность полная въ ихъ непосредственномъ и ближайшемъ удовлетвореніи.

Вотъ почему необходимость рабочей платы еще дѣйствуетъ и будетъ дѣйствовать настолько-же долго, насколько большинство работниковъ не будетъ имѣть капитализированныхъ ресурсовъ въ количествѣ достаточномъ для того, чтобы позволить имъ ожидать продажи продуктовъ ихъ труда. Наконецъ, косвенно и въ среднемъ выводѣ, рабочая плата всегда пропорціональна или стремится стать пропорціональной прибылямъ. Въ странахъ, гдѣ господствуетъ винодѣліе, она была высока до появленія филлоксеры; затѣмъ она понизилась, хотя трудъ виноградаря остался столь-же тяжелымъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, работники участвовали не только въ барышахъ, но и въ потеряхъ. И такъ происходитъ всегда, съ тѣмъ двойнымъ ограниченіемъ, что ихъ участіе въ потеряхъ не дойдетъ до урѣзыванія *минимальной* заработной платы, ошибочно называемой *натуральной*, а ихъ участіе въ выгодахъ не принесетъ ущерба привилегіи предпринимателя, который, преодолевая наибольшія опасности и, кромѣ того, имѣя возможность считать свою работу наиболѣе производительной, сравнительно съ трудомъ всѣхъ своихъ другихъ работниковъ, долженъ получать изъ прибыли исключительную часть.

Безъ перваго изъ этихъ ограниченій, никто не захотѣлъ-бы быть работникомъ. Безъ второй никто не захотѣлъ-бы сдѣ-

латься предпринимателемъ. Уравновѣшеніе (компенсация) желанія увѣренностью и наоборотъ, относительно котораго я приводилъ не мало примѣровъ, объясняетъ это безъ всякихъ затрудненій.

Теперь видно, чѣмъ отличается цѣна вынужденная, фатальная отъ цѣны справедливой и желаемой. Первая, опредѣляясь чистымъ эгоизмомъ (отвлеченнымъ, по гипотезѣ, отъ всякаго безкорыстнаго чувствованія) продавца или покупателя, рабочаго или хозяина, могущаго ставить свой законъ, является результатомъ психологическаго взвѣшиванія, причемъ гирьками для взвѣшиванія служатъ дозы желанія или увѣренности, утрачиваемыя однимъ и тѣмъ-же индивидуумомъ. Вторая-же, опредѣляясь чистымъ безкорыстіемъ фиктивнаго зрителя, получается посредствомъ взвѣшиванія дозъ увѣренности или желанія, присущихъ многимъ различнымъ индивидуумамъ. Это рѣшеніе задачи болѣе трудно, чѣмъ первое, еще и потому, что тутъ дѣло идетъ о сопоставленіи и измѣненіи не только *другихъ* чувствованій или группъ чувствованій, но еще и испытываемыхъ *другими* индивидуальностями, и въ преодолѣніи сразу двухъ барьеровъ: *различія* (alterité) личностей и различія чувствованій.

Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что понятіе справедливой цѣны, несмотря на пламенное стремленіе, предметомъ котораго оно было, оставалось темнымъ. Но было-бы гораздо болѣе удивительно, если-бы оно, —несмотря на эту темноту, —не соответствовало ничему реальному. Если оно опирается дѣйствительно на что либо солидное, если сознаніе цѣлаго человѣчества не ошибается въ этомъ, то нѣтъ болѣе сильнаго аргумента для признанія значенія нашей основной идеи.

Окончимъ-же замѣчаніемъ, что экономическій прогрессъ общества безпрестанно увеличиваетъ важность нашей совершенно психологической точки зрѣнія. Промышленность въ широкихъ размѣрахъ, т. е. усовершенствованная фабрикація должны предусматривать заранѣе нужды будущаго потребленія, вмѣсто того, чтобы, по обычаю мелкихъ фабрикантовъ, ожидать прямыхъ заказовъ своихъ кліентовъ. Значитъ, промышленный прогрессъ обязываетъ предпринимателя быть смѣлымъ, рассчитывать вни-

мательно малѣйшія степени своей увѣренности по размѣрамъ и интенсивности будущихъ желаній своихъ потребителей. Предприниматель долженъ тысячу разъ подняться и спуститься по безмѣрной лѣстницѣ, идущей отъ сомнѣнія до положительнаго и отрицательнаго рѣшенія, — по той лѣстницѣ, у которой маленькіе фабриканты знаютъ лишь низшія ступени. Если-бы современный фабрикантъ ожидалъ полной увѣренности въ своихъ расчетахъ прежде, чѣмъ онъ бросается въ предпріятіе, его обогнали-бы конкуренты, какъ они обгоняютъ философа или ученаго нашихъ дней, ожидающаго полной увѣренности въ своихъ гипотезахъ, прежде употребленія ихъ въ дѣло. Въ философіи необходимо дѣлать гипотезы, въ наукѣ необходимо заключать отъ частнаго къ общему (индуцировать), въ комерціи необходимо рисковать. Человѣкъ, который полагаетъ конечной цѣлью своей дѣятельности все большую и большую обезпеченность, долженъ довольствоваться, пока онъ дѣйствуетъ, только болѣе или менѣе вѣроятной обезпеченностью *).

Это не все. Характеръ прогрессивной промышленности состоитъ не въ томъ только, что она удовлетворяетъ и предусматриваетъ общія потребности, т. е. желанія, считаемыя практически безконечными, но что она работаетъ также и для того, чтобы отвѣчать на неувѣренные запросы гораздо меньшихъ желаній, все болѣе и болѣе легкихъ, капризныхъ и измѣнчивыхъ. Тоже — и въ морали, и въ наукѣ. Прогрессъ морали проявляется возрастающимъ значеніемъ, придаваемымъ полу-обязанностямъ, а прогрессъ наукъ — возрастающей важностью индуктивнаго метода. Учащійся не имѣетъ нужды останавливаться и напрягать свое вниманіе для опредѣленія степени своей увѣренности. Ему преподаютъ только принципы

*) Прогрессъ статистики, примѣненной къ размѣрамъ различныхъ видовъ потребления, могъ-бы современемъ служить основаніемъ промышленнаго расчета по теоріи вѣроятностей и уменьшить случайность такого расчета. Замѣтимъ мимоходомъ, что если бы когда нибудь это случилось, то каждый былъ бы увѣренъ въ томъ, что производство даннаго момента пропорціонально будущимъ потребностямъ, а потому цѣнность всѣхъ продуктовъ увеличилась-бы въ равномъ производствѣ ихъ, и единственно вслѣдствіе статистики.

вполнѣ извѣстные или считаемыя таковыми. Гипотетическая или обобщающая часть человѣческаго знанія, та, которая совершаетъ побѣды и расширяется, изъемлется для него изъ науки съ большой заботливостью.

Менѣе сильныя желанія суть тѣ, предвидѣть которыя всего болѣе трудно. Слѣдовательно, ходъ цивилизаціи заставляетъ фабриканта довольствоваться минимумомъ увѣренности въ полезности продуктовъ, которыя должны отвѣчать минимуму желанія *).

Увеличивающееся распространеніе бумажныхъ денегъ, еже-секундно заимствующихъ всю свою цѣнность отъ акта увѣренности даетъ подкрѣпленіе этимъ соображеніямъ **).

Близокъ часъ, когда крупныя банковыя билеты не только въ сношеніяхъ между провинціями одного государства, но и между государствами порвутъ окончательно свои послѣднія связи номинальной вассальности съ драгоцѣнными металлами, отъ которыхъ они считаются заимствующими свою силу. Тогда будетъ ясно, что однимъ изъ источниковъ ихъ цѣнности является увѣренность.

Быть можетъ, на этомъ-то основаніи, измѣненіе монеты, — столь частое въ прошломъ благодаря невѣжеству, — вовсе не

*) Не только въ настоящее время *слухъ* о политическихъ событіяхъ и о движеніяхъ социальныхъ вліяютъ на цѣнность вещей, — уменьшая или увеличивая ее, т. е. не ихъ дѣйствительную полезность, но увѣренность въ ихъ будущей полезности или въ продолженіи ихъ полезности. Напримѣръ, въ началѣ XVI вѣка, вскорѣ послѣ волненій, произведенныхъ Лютеромъ, предлагалось созвать соборъ. Но папа и его дворъ были противъ этой идеи, такъ какъ подобное собраніе, — говоритъ Филлипсонъ, — должно было поразить и разрушить многія злоупотребленія, бывшія для римской куріи значительнымъ источникомъ дохода *При первомъ слухѣ о соборѣ, цѣны всѣхъ должностей, которыя могла продавать курія, значительно уменьшились*. Наши биржевыя движенія имѣютъ совершенно такой-же характеръ.

***) Все зданіе нашей огромной коммерціи, — говоритъ Стэнли Джевонсъ, — опирается на томъ предположеніи, что комерсанты, какъ и другіе кліенты банковъ, *впрямую*, никогда не будутъ испытывать внезапной и общей потребности взять обратно даже только двадцатую часть золотой монеты, получить которую они имѣютъ право по ихъ требованію въ каждый моментъ тѣхъ часовъ, когда банки открыты». Значитъ, очень сильная вѣроятность, т. е. очень сильная вѣра — вотъ основаніе коммерціи.

имѣло, — прежде всего влѣдствіе того-же самаго невѣжества, поддерживавшаго всегда сначала ту же увѣренность въ измененную монету, — тѣхъ важныхъ внезапныхъ затрудненій, которыя оно встрѣтило-бы теперь.

Наша теорія цѣнности, — какъ это очевидно — есть лишь примѣненіе нашей теоріи силлогизма. Въ другомъ сочиненіи я набросалъ очеркъ теоріи обязательствъ, которая тѣсно связана съ этимъ *).

Тамъ указывается внутренняя связь, а не только различіе политической экономіи и права. Я прибавлю, что существуютъ степени обязательства, какъ есть степени цѣнности. Только *юридическое* обязательство имѣетъ особое свойство быть всегда равнымъ самому себѣ, такъ какъ оно, по опредѣленію, есть обязательство *maximum*. Но не слѣдуетъ забывать, что оно входитъ въ болѣе обширный родъ, который заключаетъ въ себѣ обязательства не юридическія, обязанности нравственныя, обязанности приличія и вѣжливости, относительно которыхъ не сомнѣваются, что исполнять ихъ болѣе или менѣе обязаны всѣ.

IV.

Во всемъ предъидущемъ, вопросъ шелъ только о цѣнности понимаемой въ видѣ цѣны, т. е. стоимости желаній, приходящихъ въ столкновеніе. Мы даже еще не обозначили точно разницы, раздѣляющей личную внутреннюю борьбу (желаній) и борьбу социальную. Мы можемъ сказать, что, такъ какъ цѣнность всегда есть результатъ конкуренціи многихъ желаній, т. е. пожертвованіе нѣкоторыми изъ нихъ и побѣда какихъ либо другихъ передъ внутреннимъ судилищемъ, то какимъ образомъ они могутъ быть интересны для социальной телеологии? Я могъ бы отвѣтить прежде всего, что желанія, сталкивающіяся въ сердцѣ одного человѣка, оказываются тамъ привычкой и при

*) См. соч. «Les Transformations du Droit»: глава объ «Обязательствахъ» (Obligation).

томъ все большей и большей въ теченіи цивилизаціи, благодаря ихъ заимствованію извнѣ и соціальному внушенію, такъ что если разматривать ихъ истинный источникъ, то эти воюющія желанія принадлежатъ различнымъ индивидуумамъ, т. е. ихъ первымъ и совершенно различнымъ инициаторамъ.

Я могъ бы прибавить, что условія пожертвованія желаніями и триумфа желаній (т. е. цѣна, становящаяся съ каждымъ днемъ все болѣе однообразной для всѣхъ) установились окружающимъ обществомъ, т. е. первыми авторами тѣхъ цѣнъ, которыя имѣли шансы, среди многихъ другихъ, распространиться въ публикѣ. Эти основанія серьезны, но они приводятъ къ замѣчанію, что подражанія обладаютъ интерференціей; они показываютъ соціальную борьбу желаній только въ состояніи тѣсной связи съ индивидуальной борьбой. Наоборотъ, ихъ чисто соціальная борьба является намъ въ конкуренціи, которую покупатели ведутъ между собою, какъ и продавцы. Когда различные покупатели хотятъ приобрести одинъ и тотъ-же предметъ, или спорятъ другъ съ другомъ о нѣкоторомъ числѣ предметовъ, которое меньше ихъ числа, то ихъ желанія находятся въ борьбѣ другъ съ другомъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше подражаніе заставляетъ возрастать ихъ относительную интенсивность.

Тоже самое и для продавца.

Отсюда—удары и столкновенія, до извѣстной степени неизбежныя, но тѣмъ не менѣе прискорбныя и, которыя, всюду, гдѣ они происходятъ, кончаются одинаково: принесеніемъ въ жертву большей части борящихся успѣху немногихъ избранниковъ.

Такимъ образомъ, конкуренція потребителей и производителей есть нѣкотораго рода внѣшнее изображеніе внутренней конкуренціи желаній потребленія и производства *); а моно-

*) Эти послѣднія (желанія производства) борятся также индивидуально каждый разъ, когда колеблются между двумя работами, двумя талантами, двумя направленіями дѣятельности болѣе или менѣе скрытыми, изъ которыхъ одно стоитъ отказа отъ другого. Вѣдь, то, что называютъ развитіемъ челоуѣка, есть лишь рядъ неудачъ (выкидышей) часто печальныхъ и всегда трудныхъ.

полія скрытая, — монополія привилегированныхъ продавцовъ или исключительныхъ покупателей, — останавливающая эту конкуренцію, представляетъ параллель добровольному рѣшенію, посредствомъ котораго каждый изъ насъ, покупая или производя, разсѣкаетъ или распутываетъ узелъ своихъ колебаній. Сходство прослѣживается и далѣе, если замѣтимъ, что результатъ борьбы, — будетъ-ли она внутренней или внѣшней, — состоитъ въ томъ, чтобы она заставляла одержать верхъ самыя сильныя желанія (или самыя сильныя увѣренности, или самыя сильныя комбинаціи желаній и компенсирующихъ увѣренностей) и пожертвовать наиболѣе слабыми. Внутренно это очевидно; во внѣшнемъ-же проявленіи это также справедливо. При равномъ богатствѣ наибольшую цѣну дають тѣ изъ конкурентовъ, которые наиболѣе желаютъ пріобрѣсти оспариваемый товаръ или наиболѣе увѣрены въ его пользѣ; а среди продавцовъ, при одинаковыхъ шансахъ, успѣваютъ овладѣть рынкомъ конкуренты наиболѣе дѣятельные или наиболѣе интеллигентные, наиболѣе предприимчивые или самонадѣянныя *). Въ этомъ преимущество (*обмѣна?*) съ точки зрѣнія нашей моральной ариеметики; но съ той же точки зрѣнія преимущество или польза еще больше, какъ мы увидимъ далѣе.

*) Могутъ сказать, что наше сравненіе грѣшитъ въ томъ, что обыкновенно внутренняя конкуренція желаній устанавливается между желаніями различныхъ предметовъ, разнородныхъ, тогда какъ внѣшняя конкуренція, какъ между производителями, такъ и между потребителями, ставитъ въ столкновеніе желанія одного и того же рода. Когда я колеблюсь купить-ли столовыя часы, то думаю о жертвахъ другими предметами. Жертвахъ, вызываемыхъ этимъ расходомъ, напр., я ужь не могу купить такой-то хорошей книги, или такихъ-то обоевъ, или такого-то столоваго сервиза и т. д. Но когда стремясь купить такія часы на какомъ нибудь аукціонѣ, я вступаю въ конкуренцію съ другими лицами, то ихъ желанія подобны моему. Во всякомъ случаѣ, это только внѣшнее различіе. Съ одной стороны, когда я рѣшаюсь купить часы, я отказываюсь не только отъ возможности купить обои или книгу, но еще и отъ возможности купить какіе либо другіе часы, болѣе или менѣе подобныя, которые въ моемъ умѣ нѣсколько дней назадъ боролись съ предпочтенными. Съ другой стороны, не одни только торговцы часами конкурируютъ съ такими же продавцами часовъ, но еще продавцы мебели, бездѣлушекъ и т. п., однимъ словомъ продавцы какихъ-бы то ни было

Теперь мы должны рассмотреть цѣнность съ ея второй и лучшей стороны, уже не какъ частичную нейтрализацію (только частичную, къ счастью) одной полезности другою, ставящей препятствіе первой, но какъ комбинацію двухъ полезностей, подкрѣпляющихъ другъ друга. Если наиболѣе распространенная экономическая форма телеологической борьбы есть конкуренція, то наиболѣе распространенная экономическая форма телеологическаго единенія есть обмѣнъ.

Когда какая нибудь дама покупаетъ у модистки шляпку, въ сердцѣ первой изъ нихъ, какъ извѣстно, совершается чисто психологическая борьба между желаніемъ купить шляпку и сожалѣніемъ объ отдачѣ за нее назначенной суммы, а у другой стороны—между желаніемъ продать и сожалѣніемъ о томъ, что нужно разстаться съ шляпкой. То есть, борьба происходитъ тутъ между *полезностью* покупки и *полезностью* сохраненія у себя ея цѣны, а съ другой стороны между *полезностью* продажи и *полезностью*—сохранить шляпку въ магазинѣ, и въ каждой изъ нихъ перевѣситъ наиболѣе сильное желаніе, наибольшая *полезность*. Но, кромѣ того, между ними устанавливается, благодаря самому факту торговли, социальное-телеологическое согласіе между желаніемъ одной изъ нихъ—купить и желаніемъ другой—продать: въ самомъ дѣлѣ, отношенія двухъ этихъ желаній есть, конечно, отношеніе средства къ цѣли—первое реализуется при посредствѣ второго и обратно. Правда, жажда шляпки у дамы противоположна сожалѣнію модистки о той-же шляпкѣ; точно также желаніе второй получить деньги противоположно сожалѣнію о нихъ у первой; это составляетъ двойное социальное несогласіе. Но, какъ мы знаемъ, тутъ нѣтъ уравниженія, такъ какъ желанія, являющіяся у обѣихъ гармоническими (гармоническія полезности), здѣсь значительно выше, по интенсивности, желаній, разногласящихъ или антагонистическихъ полезностей. Такова положительная польза обмѣна съ точки зрѣнія социальной телеологіи.

вещей, способныхъ перевести къ нимъ золото покупателей во вредъ чагамъ.

Нужно сдѣлать нѣсколько замѣтокъ по этому поводу. Прежде всего, эта польза тѣмъ больше, чѣмъ обмѣнъ болѣе уравни-теленъ т. е. чѣмъ онъ больше приближается къ идеалу справедливой цѣны. Сумма двухъ гармонирующихъ желаній (купить и продать) на-самомъ дѣлѣ будетъ тѣмъ выше, а сумма антогонистическихъ желаній (сохранить деньги, сохранить товаръ) будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ обмѣнивающіеся найдутъ въ своемъ обмѣнѣ выгоду болѣе равную или менѣе неравную, и наоборотъ. Если поставщикъ пользуется личной или временной нуждой, которую я имѣю въ товарѣ, чтобы заставить меня платить вдвое или второе дороже стоимости товара для обыкновенной средней публики, то мое сожалѣніе о деньгахъ, которыя я израсходуя, будетъ гораздо сильнѣе, и жажда этихъ денегъ у продавца будетъ также значительно сильнѣе; значитъ, антагонизмъ увеличится; наоборотъ, мое желаніе купить уменьшится; и хотя желаніе продавца продать увеличится, однако оно не будетъ компенсировано, а потому общая ихъ сумма будетъ меньше. И вотъ почему. Изъ теоремы Лапласа, какъ извѣстно, слѣдуетъ, что, при равномъ богатствѣ, удовольствіе находки не будетъ уравнивать огорченія отъ эквивалентной потери. Это ясно, если дѣло идетъ о большой суммѣ, напр., въ 20,000 франковъ, найденной или потерянной при богатствѣ, положимъ въ 40,000 фр. Тотъ, кто ее теряетъ, видитъ свое богатство уменьшившимся на *половину*; тотъ, кто находитъ, видитъ свое богатство увеличившимся только на *одну треть*. Но приблизительно тотъ-же душевный феноменъ происходитъ и съ самыми маленькими суммами. Далѣе всякое уменьшеніе ресурсовъ въ доходахъ или въ капиталѣ чувствуется какъ лишеніе извѣстнаго, привычнаго и потому милаго удовольствія, а всякое увеличеніе—какъ перспектива удовольствія неопредѣленнаго новаго или сравнительно безразличнаго. Поэтому, было бы ошибкой сказать, что общій интересъ не при-чемъ въ случаѣ раззоренія одного и обогащенія другого, потому-де, что это обогащеніе компенсировало катастрофу, случившуюся съ первымъ. Страданіе перваго будетъ больше удовольствія втораго. Но тоже самое примѣнимо и ко всякой потерѣ однихъ лицъ,

повидимому, компенсирuемой прибылью другихъ, а также и ко всѣмъ, какъ уравнивающимъ, такъ и дьвинымъ долямъ выгодъ въ обмѣнѣ всякаго рода. Въ общемъ, справедливость есть великій вѣковой путь прогрессирующей социальной пользы.

Во вторыхъ, чѣмъ больше понижается цѣна предметовъ, тѣмъ больше увеличивается телеологическая выгода для общества. Происходитъ это по двумъ причинамъ: прежде всего потому, что это пониженіе дѣлаетъ данный предметъ доступнымъ большому числу кошельковъ, и настолько-же увеличиваетъ обмѣны, изъ которыхъ каждый есть новое *соціальное добро*; во-вторыхъ, потому что въ каждой изъ такихъ покупокъ антогонистическія желанія (сохранить свои деньги, сохранить свой товаръ) слабѣе, чѣмъ были раньше. Правда, что одно изъ гармонизирующихъ желаній (купить, продать) могло уменьшиться также (а именно желаніе продать), но не другое; т. е. здѣсь не будетъ компенсаціи.

Такимъ образомъ, все, что понижаетъ цѣны, есть новый шагъ къ телеологической организаціи интересовъ. Но что-же именно понижаетъ цѣны? Всякое новое изобрѣтеніе, которое распространяется, или всякое новое распространеніе стараго изобрѣтенія; всякая новая ассоціація, имѣющая успѣхъ, или всякое новое расширеніе прежде существовавшей ассоціаціи—идеть-ли дѣло объ ассоціаціи въ собственномъ смыслѣ слова или о той свободной ассоціаціи, называемой обыкновенно раздѣленіемъ труда, посредствомъ которой разные работники какъ-бы сговорились производить, съ извѣстной экономіей труда и расходовъ для каждаго, какую нибудь группу товаровъ. Чѣмъ многочисленнѣе эти товары, тѣмъ съ большей легкостью каждый изъ нихъ будетъ выгодно обмѣниваться на другіе, при чемъ выборъ этихъ послѣднихъ будетъ разнообразнѣе. Въ этомъ замѣчаніи не трудно узнать *законъ сбыта*, Ж. Б. Сэя. Въ каждомъ новомъ продуктѣ, вводимомъ посредствомъ свободного обмѣна или подражанія иностранному въ кругъ старыхъ продуктовъ, эти послѣдніе получаютъ излишекъ полезности, зависящій именно отъ ихъ частичнаго обезцѣненія: вѣдь ихъ *рыночная цѣнность* была въ обратномъ отношеніи къ ихъ *потребности*

тельной ипности. Если-бы, напр., прогрессъ промышленности сдѣлалъ возможнымъ имѣть электрическое освѣщеніе почти даромъ, то этотъ способъ освѣщенія сдѣлался-бы богатствомъ, подобнымъ даровымъ полезностямъ, даваемымъ природою; но, почти потерявъ мѣновую цѣнность, онъ не пересталъ-бы сохранять огромную потребительную цѣнность, и эта послѣдняя возростала бы по мѣрѣ изобрѣтенія такихъ отраслей промышленности, которыя, напр., благодаря электричеству могутъ исполняться и вечеромъ (напр., фотографія), или такихъ, новыхъ зрѣлищъ, которыя могутъ производиться вечеромъ при этомъ освѣщеніи. Такимъ же образомъ, каждое новое изобрѣтеніе, позволяющее утилизировать по новому, т. е. для новыхъ цѣлей—воду, воздухъ или самые обыкновенные минералы, увеличиваетъ ихъ цѣнность въ томъ же смыслѣ, хотя не прибавляетъ имъ ни на грошъ мѣновой цѣнности.

Я сравнилъ изобрѣтеніе съ ассоціаціей. Дѣйствительно, результаты ихъ совершенно подобны, и насъ не должно удивлять, что, доведя до конца анализъ ихъ обоихъ, мы установили, что второе сводится къ первому.

Пояснимъ это.

Что такое изобрѣтеніе?

Счастливое скрещиваніе въ мозгу двухъ подражаній, т. е. остроумная идея, состоящая въ установленіи связи средства съ цѣлью между двумя прежними изобрѣтеніями, не зависимыми другъ отъ друга и взаимно чуждыми, циркулировавшими въ публикѣ отдѣльно, но которыя съ этихъ поръ сольются вмѣстѣ и посредствомъ этой связи придадутъ другъ другу новую пользу. Напримѣръ, благодаря изобрѣтенію паровой машины, древняя идея поршня объединилась съ не менѣе старой идеей водяного пара; фабрикація поршней получила новое потребленіе испареніемъ воды отъ теплоты, и обратно. Въ каждомъ улучшеніи паровой машины, въ каждомъ добавочномъ изобрѣтеніи, которымъ она обогащается, мы видимъ тоже самое. Примѣненіе паровой машины къ передвиженію, посредствомъ изобрѣтенія локомотива, было приспособленіемъ древняго изобрѣтенія — колесъ и колесныхъ экипажей къ болѣе новому изобрѣтенію—паровой

машины. Съ тѣхъ поръ стали фабриковать гораздо больше колесныхъ экипажей, потому что паровая машина открыла имъ новый сбытъ, и еще больше возросло производство паровыхъ машинъ, такъ какъ колесный экипажъ далъ имъ новое помѣщеніе или употребленіе. Добавимъ, что локомотивъ безъ желѣзныхъ или стальныхъ рельсовъ не нашелъ бы широкаго примѣненія. Значить, было нужно, чтобы на идеѣ локомотива была привита (другимъ телеологическимъ прививкомъ подобнаго же характера) идея о рельсѣ, объ изобрѣтеніи, которое было извѣстно давно и эксплуатировалось въ маломъ размѣрѣ для движенія тѣлегъ на нѣкоторыхъ дровяныхъ дворахъ. Это новое употребленіе рельсовъ, какъ извѣстно, чрезвычайно развило производство ихъ. Но это не все: разъ локомотивъ былъ усовершенъ такимъ образомъ, явилась необходимость придумать проведеніе желѣзныхъ дорогъ съ ихъ вѣдуками, туннелями, т. е. съ изобрѣтеніями старыми, не имѣвшими до сихъ поръ отношенія къ передвиженію пассажировъ, но теперь приспособленными къ этому употребленію. А затѣмъ система движеній на станціяхъ! Сколько новыхъ идей, сколько вѣтвоекъ старыхъ способовъ въ группы другихъ способовъ на пути ихъ систематизаціи.

Въ каждомъ усложненіи какаго либо изобрѣтенія, мы видимъ, какъ въ общей суммѣ укрѣпляются, расширяются, и умножаются связи солидарности между различными вѣтвями производства; такъ, напр., теперь,—если обратимся вновь къ нашему примѣру,—почти всѣ ремесла—каменьщика, кузнеца, литейщика, столяра, землекопа и т. д. сотрудничаютъ другъ съ другомъ, даже безъ всякой ассоціаціи между ними въ собственномъ смыслѣ слова,—въ общемъ дѣлѣ созиданія или поддержанія желѣзныхъ дорогъ.

Довольно часто случается, конечно, что улучшеніе, вносимое новымъ изобрѣтеніемъ, не есть усложненіе, а, наоборотъ сравнительное упрощеніе. Во всякомъ случаѣ, элементы, которые упорядочиваютъ такое изобрѣтеніе, являются процессами или извѣстными ранѣе, или открытыми предварительно изобрѣтателемъ. А плоды этого телеологическаго брака предста-

вляются въ увеличеніи промышленности, упрощенной такимъ способомъ.

Но теперь спросимъ себя: что-же такое ассоціація? Совершенно тоже самое, что и изобрѣтеніе. Изобрѣтеніе, будетъ ли оно представлять усложненіе или упрощеніе, приводитъ роковымъ образомъ къ ассоціаціи или притворяетъ ее. Если оно состоитъ въ усложненіи, то причина неизбѣжно вызванной имъ ассоціаціи очевидна. И, дѣйствительно, въ вышеприведенномъ примѣрѣ мы пришли, почти сами не замѣтивъ этого, отъ изобрѣтенія въ собственномъ смыслѣ къ ассоціаціи въ собственномъ смыслѣ, т. е. къ организаціи желѣзнодорожныхъ компаній.

Если же изобрѣтеніе состоитъ въ упрощеніи, а слѣдовательно въ пониженіи стоимости продукта, къ которому примѣняется, то оно расширяетъ обыкновеніе или потребность—употреблять этотъ продуктъ въ низшихъ классахъ общества или въ странахъ, которые не знали этого продукта; оно прибавляетъ этотъ продуктъ къ суммѣ тѣхъ, которые служили для взаимнаго обмѣна другъ на друга, и такимъ образомъ расширяетъ ту огромную безмолвную и анонимную ассоціацію производителей, которая, если ее разсматривать ближе, есть взаимная утилизація промышленностей и изобрѣтеній, считающихся ошибочно независимыми.

Наконецъ, блестящая идея—ассоціировать тѣмъ или другимъ образомъ различныхъ работниковъ на заводѣ или солдатъ—въ арміи, или соединять усилія, которыя, дѣйствуя отдѣльно, не способны достигнуть своей цѣли, можетъ быть также уподоблена изобрѣтенію. Идеи этого рода суть изобрѣтенія довольно легкія; трудно въ нихъ собственно осуществленіе. Между тѣмъ, для изобрѣтеній, носящихъ собственно это имя, трудность состоитъ въ придумываніи гораздо больше, чѣмъ въ распространеніи. Но теоретически эта разница можетъ быть устранена изъ счета. Во всякомъ случаѣ, результатъ получается одинъ и тотъ же; именно тотъ результатъ, который познается въ раздѣленіи труда и въ обмѣнѣ, особенно въ международномъ

обмѣнѣ, т. е.—экономія труда *). Посредствомъ обмѣна, потребление каждаго предмета переходитъ отъ нѣкоторыхъ, желающихъ этого предмета меньше, къ нѣкоторымъ, желающимъ его больше, и прогрессъ обмѣна расширяетъ безпрестанно этотъ переходъ; путемъ раздѣленія труда, производство каждаго предмета переходитъ отъ нѣкоторыхъ, производящихъ съ большимъ трудомъ и въ большее количество времени, къ нѣкоторымъ, производящимъ быстрѣе и съ меньшимъ трудомъ, а прогрессъ раздѣленія труда не перестаетъ расширять этого различія. Эти два вида прогресса помогаютъ, слѣдовательно, другъ другу въ одномъ и томъ же дѣлѣ гармоніи, и въ этомъ отношеніи являются сотрудниками изобрѣтательнаго гения.

Подобно тому какъ ассоціаціи, имѣющія цѣлью одинъ и тотъ-же предметъ, стремятся сплотиться въ одну или свестись къ одной дѣйствию конкуренціи, такъ и изобрѣтенія, относящіяся къ одной и той же промышленной отрасли, стремятся къ взаимному синтезированію или къ исчезновенію нѣкоторыхъ изъ нихъ передъ нѣкоторыми другими; а разъ это достигается, то триумфирующія изобрѣтенія, какъ и побѣдоносныя ассоціаціи, ясно обнаруживаютъ себя во взаимной утилизациіи выгодъ, которыя они пускаютъ въ ходъ. Мало этого: еслибы такой идеаль концентрации былъ вполне осуществленъ, то различныя ассоціаціи и изобрѣтенія, пережившія и побѣдившія такимъ образомъ, стремились-бы образовать союзы—посредствомъ обмѣна или даже безъ него. Въ государствѣ, проектировавшемся коммунистами, раздѣленіе труда, ассоціаціи и изобрѣтенія не переставали-бы производить свое телеологическое полезное дѣйствіе, обязанное постоянному излишку желаній, согласныхъ между собою, надъ желаніями не согласными. Полезное дѣйствіе здѣсь выленялось-бы прямо экономіей труда, а не косвенно пониженіемъ цѣнъ.

Говоря мимоходомъ, каждая ассоціація есть видъ изобрѣтенія на томъ-же основаніи, какъ всякая философская систематизація есть видъ открытія, а всякое изобрѣтеніе есть ассо-

*) См. по этому поводу Gide'a.

ціяція предшествующихъ изобрѣтеній, на томъ-же основаніи какъ всякое открытіе есть систематизація прежнихъ открытій или, по меньшей мѣрѣ, наблюденій и опытовъ, уже полученныхъ и заявленныхъ. Открыть—не значитъ-ли установить связь причины съ слѣдствіемъ, признака съ предметомъ, имѣющимъ его,—свойства съ субстанціей, и, во всякомъ случаѣ, сказуемаго съ подлежащимъ, связь между двумя уже открытыми явленіями; а изобрѣсть не значитъ-ли установить связь между средствомъ и цѣлью, между двумя дѣйствіями, уже изобрѣтенными?

Въ концѣ-концовъ, является цѣнность, въ двухъ ея смыслахъ: въ смыслѣ *цѣны*, предполагающей борьбу желаній, и добавимъ—увѣренностей, и въ смыслѣ *потребленія*, предполагающаго взаимодействіе желаній и увѣренностей.

Какойнибудь предметъ стоитъ, во 1-хъ, то, во что обходится его приобрѣтеніе и во 2-хъ, то, что онъ даетъ возможность приобрѣсти, если будетъ обмѣненъ, или то, что онъ поможетъ произвести, если будетъ потребленъ *). По закону рынковъ, чѣмъ больше умножаются и становятся разнообразными другіе предметы, на которые можетъ обмѣниваться данный предметъ, тѣмъ больше возрастаетъ его цѣнность въ этомъ второмъ смыслѣ (въ то время, какъ въ первомъ смыслѣ она уменьшается).

Дополнимъ этотъ законъ,—такъ какъ обмѣнъ не есть ни

*) Подобно тому, какъ цѣны продукта, истинность идей, въ индивидуальномъ или соціальномъ смыслѣ слова, имѣеть два различныхъ значенія. *Степень истинности* какойнибудь идеи означаетъ то силу ея сопротивленія какимънибудь противорѣчающимъ ей идеямъ, что въ сущности сводится на силу ея распространенія путемъ послѣдовательныхъ побѣдъ надъ другими идеями, то ея плодотворность, понятность, ея способность ассимилироваться съ другими идеями, отличающимися отъ нея, или объединяться съ ними. Чтобы понять это, достаточно вспомнить возрастаніе истины, которому благоприятствуетъ какаянибудь идея каждый разъ, какъ появляется идея, подтверждаемая ею. Это представляетъ параллель съ увеличеніемъ цѣнности (соединенной цѣнности) какого либо предмета промышленности, когда ему открывается новое употребленіе путемъ созданія другого предмета, въ фабрикацію котораго онъ входитъ.

единственная, ни главная природа употребленія, которому служитъ предметъ,—замѣтивъ, что чѣмъ больше солидарны между собой различные виды потребленія, связанные другъ съ другомъ соображеніями объ общей цѣли, тѣмъ большую цѣнность будетъ имѣть потребляемая вещь (но уже необмѣниваемая) и цѣнность именно во второмъ смыслѣ. Самые общепотребительные предметы, самые простые услуги стоятъ безконечно, когда они служатъ для достиженія безконечно желаемой цѣли. Чего-бы не дали, въ моментъ сраженія, за порцію водки, способной воспламенить солдата и рѣшить судьбу сраженія! Это соображеніе указываетъ намъ на экономическую необходимость высокой степени общаго подъема моральности.

Кромѣ того, мы сказали, что цѣнность, въ смыслѣ *цѣны*, бываетъ или просто психологическая, или экономическая. Въ первомъ случаѣ, она выражается внутреннимъ колебаніемъ между двумя благами, заканчивающимся пожертвованіемъ однимъ изъ нихъ; экономическая-же цѣнность есть результатъ конкуренціи, примыкающей къ монополіи.

Теперь мы можемъ сказать, что и потребительная цѣнность представляетъ такое-же раздѣленіе: психологически она измѣряется степенью стремленія къ цѣли (*finalité*) въ индивидуальномъ поведеніи; экономически-же степенью сотрудничества ассоціированныхъ дѣйствій *).

Въ самомъ дѣлѣ, для человѣка, взятаго отдѣльно, пища нужна

*) Экономисты, которые восхищаются безъ разбора и *конкуренціей* и *раздѣленіемъ труда*, являются гегеліанцами, которые сами не подозреваютъ объ этомъ. Они славословятъ одновременно и *за*, и *противъ*. Конкуренція, это—телеологическая борьба, это оппозиція труда противъ труда; а такъ называемое раздѣленіе труда есть, въ дѣйствительности, телеологическое единеніе труда, взаимная комбинація трудовъ. Конечно, двѣ эти операціи одновременны и должны быть таковыми; какъ я указывалъ въ другомъ мѣстѣ. Но одна должна идти уменьшаясь безпрестанно или по меньшей мѣрѣ, пропорціонально второй, которая идетъ безпрестанно развиваясь. Кромѣ того, вѣдь, именно изобрѣтенія-то и возбуждаютъ конкуренцію, какъ они-же служатъ побужденіемъ къ организаціи труда. Но конкуренція, возбужденная новымъ и предпочтеннымъ изобрѣтеніемъ, противъ лицъ, извлекавшихъ выгоды изъ старыхъ изобрѣтеній, стремится къ тому, чтобы заставить исчезнуть эти послѣднія.

не только для ослабленія голода, а питье не только для утоленія жажды, но еще для удовлетворенія всѣхъ потребностей второй степени необходимости или роскоши и для производства всѣхъ дѣйствій, всѣхъ родовъ труда какъ грубыхъ, такъ и утонченныхъ, которыя развертываются вслѣду за удовлетвореніемъ голода и жажды. Чѣмъ этотъ рядъ развертывается длиннѣе, и чѣмъ онъ разнообразнѣе, чѣмъ сильнѣе связь между собою въ одну цѣпь его элементовъ, чѣмъ интенсивнѣе будутъ желанія, связанные такимъ образомъ и взаимно помогающія другъ другу, тѣмъ будетъ дороже малѣйшій кусокъ хлѣба.

Если дѣло идетъ о человѣкѣ методическомъ и расчетливомъ, дѣятельномъ и утонченномъ, но холодномъ, то всякое наслажденіе, какъ-бы минимально оно ни было, имѣющее свое отмѣченное мѣсто въ сложной и правильной серіи его привычекъ, эквивалентно всѣмъ другимъ, которыя нарушаются его отсутствіемъ. Цѣпь здѣсь длинна, а ея звенья хорошо заклепаны, но, не смотря на все это, цѣнность, производимая такимъ образомъ, не значительна, вслѣдствіе слабой интенсивности всѣхъ этихъ соединенныхъ желаній *).

У человѣка страстнаго, увлеченнаго женщиной или жаждой славы, цѣпь часто гораздо короче, а связь между дѣйствіями обладаетъ повидимому меньшей крѣпостью и постоянствомъ; но какую огромную силу имѣютъ стойкія желанія, одушевляющія всю жизнь такого человѣка, и сообщающія свою силу желаніямъ мимолетнымъ, которыя они намагничиваютъ своимъ прикосновеніемъ! Я не знаю, сколько заплатилъ Ромео за свою шелковую лѣстницу, но она стоила ему Джульеты. Страсть это апогей индивидуальнаго стремленія къ цѣли **).

*) Здѣсь неясное выраженіе. «Цѣнность» чего? Отдѣльныхъ желаній, или конечной цѣли, или «малѣйшаго куска хлѣба?» Судя по нижеслѣдующему примѣру, дѣло идетъ о цѣнности средствъ для достиженія конечной цѣли (какого либо наслажденія).
 Ред.

***) Здѣсь, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, мы этимъ выраженіемъ переводимъ слово *finalité*, а именно «*finalité individuelle*», какъ самымъ подходящимъ по общему смыслу.
 Ред.

То, что вѣрно для индивидуумовъ, вѣрно и для обществъ.

Чтобы достигнуть результата, преслѣдуемаго ими въ теченіе вѣковъ и который они еще будутъ нѣсколько вѣковъ преслѣдовать, съ цѣлью поднять до максимума цѣнность предметовъ, понимаемую въ нашемъ второмъ значеніи (см. выше: т. е. въ смыслѣ цѣнности, на которую въ обмѣнъ можно что нибудь приобрести или потребленіемъ которой можно что либо произвести), понижая въ тоже время до минимума цѣнность ея производства (*valeur-prix*),—обществамъ или націямъ грядущаго не достаточно будетъ усложнять свои потребности, умножать обмѣнъ, даже объединять труды и достигнуть сходства съ тѣмъ знаменитымъ автоматомъ, съ тѣмъ мандариномъ или банкиромъ высокой расы, о которомъ я говорилъ. Если придетъ буря единодушной страсти, чтобы поднять сердца, то эта тонкая ткань изъ сплетенныхъ привычекъ или мѣняющихся фантазій, быть можетъ, и разорвется, но бѣда отъ этого не велика, разъ горячій энтузіазмъ, который замѣнитъ этотъ лихорадочный индустриализмъ, будетъ энтузіазмомъ такого рода, который остается долго, и если объектъ его не будетъ способенъ настолько же обманывать надежды, какъ и концентрировать ихъ. Къ несчастью, еще ищутъ и страдаютъ, чтобы отыскать этотъ истинный и универсальный полюсъ народовъ, этотъ коллективный идеалъ, который, не будучи ни религіозной обманчивой иллюзіей, ни патріотической и смертоубійственной реальностью, былъ бы способенъ воспитать и скрѣпить духовныя связи также энергично, какъ это дѣлали религіи или отечество. Промышленныя корпораціи прошлаго были прочны, потому что они были братствами; взаимная помощь имѣла принципомъ кооперацію ради *спасенія* (*salut*). Теперь рабочіе синдикаты обязаны своей силой своимъ политическимъ видамъ; а тѣ великіе національные синдикаты, которые называются Франціей или Германіей, Россіей или Англійей, обязаны своимъ благосостояніемъ ихъ страсти къ патріотическому первенству. Это будетъ продолжаться еще долго, будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать націи и борющіеся классы. А послѣ? Когда преобладаніе какого нибудь класса или

націи будетъ прочно установлено, чего останется желать, на что надѣяться и что преслѣдовать коллективно? Не исчезнетъ ли тогда источникъ соціального энтузіазма? Не окажется ли тогда, что нѣтъ ничего, чего стоило-бы желать сообща, любить цѣлой массой и не окажется ли неизбѣжнымъ измелчаніе всѣхъ надеждъ и желаній, роковой путь декаданса. Отвѣтить на этотъ вопросъ не рѣшаются. А между тѣмъ, извѣстно, что общество, какъ и отдѣльный человѣкъ, нуждается въ томъ, что-бы въ основѣ его была какая-нибудь великая любовь, и что, если онъ перестаетъ любить что-нибудь больше жизни, его жизнь уже не заслуживаетъ того, чтобы ее переживать *).

У.

У маленькаго ребенка, который учится ходить, говорить и т. п., малѣйшее дѣйствіе требуетъ усилія, выраженаго акта воли; малѣйшій жестъ для него *стоитъ* чего-нибудь, является принужденіемъ, такъ какъ стремленія, желанія его нервовъ и различныхъ мускуловъ противорѣчатъ другъ другу, вмѣсто того, чтобы взаимно помогать одни другимъ. Но по мѣрѣ установленія единенія между нервами и мышцами, то, что прежде было у него волевымъ, становится привычнымъ. Однако, 'этотъ постепенный и безконечно спасительный переходъ воли въ привычку, это преобразование борющейся и сознательной дѣятельности въ дѣятельность вспомогательную и машинальную, со-

*) Всемирныя выставки замѣчательны съ этой точки зрѣнія тѣмъ, что въ первый разъ они, повидимому, даютъ временно населеніямъ съ одинаковой цивилизаціей, раздробленнымъ на различные государства, общую цѣль, кромѣ войны. Въ средніе вѣка крестовые походы были единственнымъ сотрудничествомъ христіанскихъ націй, какъ Мидійскія войны были единственнымъ сотрудничествомъ эллиновъ. Теперь, прекрасныя и гигантскія выставки всѣхъ продуктовъ, вотъ, по временамъ, великое мирное сотрудничество современныхъ государствъ. И, когда это дѣло удастся, оно даетъ столько славы своему инициатору, сколько прежде давала великая побѣда... Но уже и это надобѣдуетъ...

отвѣтствуетъ совершенно въ области социальнаго постоянному переходу отъ труднаго, разсѣяннаго и полнаго усилій производства къ производству легкому, организованному и почти пріятному, дающемуся даромъ (du prix à-la gratuité).

Но мы знаемъ теперь, что въ трудѣ, сдѣлавшемся привычнымъ, какойнибудь актъ, до тѣхъ поръ произвольный, какъ, напр., произнесеніе словъ, чтеніе буквъ или музыкальныхъ нотъ, верховая ѣзда и т. п., перестаетъ быть цѣлью и становится лишь простымъ средствомъ, служащимъ другой, конечной цѣли, новому усилію, которое само состоитъ изъ затруднительнаго столкновенія внутреннихъ стремленій.

Тоже мы видимъ и въ обществѣ: ассоціаціи, эти виды социальныхъ привычекъ, которымъ предшествовала промышленная конкуренція, то есть нѣчто въ родѣ социальнаго усилія, изъ которыхъ онѣ и вышли,—повидимому, не имѣютъ иной пользы, кромѣ той, что они служатъ орудіями дѣйствія, имѣющаго въ виду поддержаніе нѣсколькихъ гигантскихъ конкурренцій новаго рода, политическихъ или національныхъ, избирательныхъ или военныхъ. А, въ смыслѣ болѣе общемъ, богатство, дѣлаясь почти даровымъ или легко доступнымъ для пріобрѣтенія, преслѣдуется ужь не ради его самого, но разсматривается только какъ средство произвести нѣкоторое другое богатство, еще не достаточно легко производимое и дорого стоящее.

Я спрашиваю: въ чемъ было-бы преимущество, если-бы не было понятной цѣли въ этомъ воскресаніи борьбы, усилій, постоянно рождающихся вновь? Даже великая любовь въ концѣ концовъ, только огромный трудъ, «великая тщета и мученіе духа».

Нѣтъ ли для общества иной гавани менѣе подверженной грозамъ и бурямъ?

Можно думать, что для человѣчества, какъ и для отдѣльнаго человѣка, возрастъ сильныхъ страстей есть лишь временное, проходящее состояніе, и если это время проходитъ, можно не особенно сильно печалиться объ этомъ. Соціальная телеологія несомнѣнно потерпитъ утрату, но соціальная логика выиграетъ, а это имѣетъ больше цѣнности,—если невозможность отда-

ваться страсти сдѣлаетъ съ тѣхъ поръ болѣе явной необходимости самообезпеченія и самопросвѣщенія, — я не смѣю сказать, — необходимость отдаться новой и болѣе прекрасной иллюзіи. Доказанная бесполезность желать большаго можетъ только удвоить преимущества вѣры и знанія.

Когда поблѣднѣетъ въ богатствѣ сторона — желаній, то заставить особенно обратить на себя вниманіе и будетъ продолжать развиваться его сторона — вѣрованій; это движеніе можно уже замѣтить теперь. Почему жажда золота постоянно увеличивается въ нашихъ обществахъ съ большимъ и большимъ ослабленіемъ религіозныхъ вѣрованій? Потому что обезпеченіе, даваемое золотомъ своему владѣльцу, представляетъ два различныхъ характера, позволяющихъ ему *экономически* — играть роль этихъ вѣрованій. Вѣдь, въ неопредѣленности таинственнаго содержимаго будущихъ наслажденій, обѣщаемыхъ деньгами, есть кажущаяся безконечность, безграничная перспектива. Кромѣ того, деньги воплощаютъ общую и обыкновенную вѣру, составляющую предметъ, необходимый въ обществѣ. Чѣмъ однообразнѣе курсъ денегъ и чѣмъ легче ихъ перенесеніе, чѣмъ довѣріе къ нимъ является болѣе общимъ, тѣмъ больше онѣ способны замѣнить въ извѣстной мѣрѣ *и съ точки зрѣнія труда* тѣ религіозныя надежды, какими онѣ являются намъ, на примѣръ, въ первые вѣка нашей эры. Представимъ себѣ миссіонера, готоваго учить новому добру ирландское или саксонское населеніе, бывшее до той пары воюющимъ и незанятымъ. Въ эти мозги, чуждые до тѣхъ поръ предвидѣнья и заботы о будущемъ, онъ заставляетъ войти вѣру въ грядущую жизнь, и убѣжденіе, что извѣстными жертвами или обрядами, можно приобрести увѣренность въ удовлетвореніи, — въ теченіе всего существованія за могилой, — невѣдомыхъ желаній. Приобрѣсти увѣренность или вѣроятность спасенія, получить *вѣчное обезпеченіе*, вотъ что становится тогда цѣлью этихъ людей, не имѣвшихъ ранѣе идеи объ обезпеченности. Отсюда возникаютъ монастыри, храмы, госпитали, устраиваемые ими; отсюда-же войны становятся сравнительно болѣе рѣдкими, а мирный трудъ болѣе частымъ. Надежда на небо, безконечная

увѣренность и притомъ у вѣренность общая будетъ, такимъ образомъ, для этихъ варваровъ настоящимъ капиталомъ (въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова), капиталомъ столь-же плодотворнымъ, какимъ было бы, напр., открытіе ихъ вождемъ золотого рудника, при чемъ это открытіе сопровождалось бы его общаніемъ распредѣлить между ними слитки, обращенные въ монеты, какъ награду за ихъ доброе поведеніе.

Вѣра въ деньги можетъ быть столь-же обманчивой, какъ и всякая иная увѣренность, и ожидаемая отъ нея удовлетворенія могутъ ускользать. Но, въ ожиданіи этого удовлетворенія, мерцавшая намъ обезпеченность, оправдавшаяся или обманувшая, составляетъ производительную силу *sine qua non*.

И вотъ почему постоянно увеличивается жажда денегъ. Когда говорятъ мелькомъ, когда повторяютъ, какъ эхо отъ эха, отъ одного экономиста къ другому, что обязанность государства *ограничивается* доставленіемъ гражданамъ обезпеченія, не имѣютъ и тѣни подозрѣнія о подавляющей тягости, которая на него возлагается этимъ. Можно-бы было съ такимъ же правомъ сказать, что ему *достаточно* обогатить всѣхъ насъ.

Хотя жажда золота есть желаніе, однако его увеличеніе вызываетъ, такимъ образомъ, прежде всего увеличеніе увѣренности, вѣры. Но этотъ родъ вѣры, предполагающей деньги, какъ всякое богатство, есть вѣра ограниченная, подчиненная желанію такъ какъ предметъ ея есть возможность будущаго удовлетворенія. Вѣра, предполагающая право или почетъ, уже болѣе свободна, ея предметъ—возможность сужденій другихъ, т. е. также увѣренностей, но увѣренностей, связывающихъ съ нѣкоторыми предметами чисто субъективное значеніе: ваша личная заслуга, признаніе, заслуженное вашими дѣйствіями въ предѣлахъ того, что называется вашимъ правомъ. Увѣренность истинно эмансипируется только научной культурой. Вѣра въ какую нибудь теорему имѣетъ своимъ объектомъ возможность всѣхъ объективных увѣренностей, которыя ея примѣненіе породило или породить въ моей душѣ или въ душахъ другихъ людей.

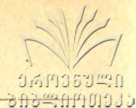
Имѣть деньги, это значить быть увѣреннымъ, что въ случаѣ нужды, вы будете имѣть услуги другихъ, что вы найдете

людей, согласующихся съ вашими желаніями. Обладать чьимъ нибудь уваженіемъ, связаннымъ съ законной гордостью, доставляемой имъ, значить, быть увѣреннымъ, что при случаѣ о васъ будутъ хорошо судить другіе, что вы найдете людей, согласныхъ хотя бы отчасти съ вашими сужденіями о васъ самихъ. Плата почетомъ, уваженіемъ, поклоненіемъ,—это плата мнѣніемъ, а не услугой. Но хотя такая плата стоитъ финансамъ государства безконечно менѣе, чѣмъ плата деньгами, нельзя сказать, чтобы она было неистоцима. Почтеніе, разъ оно изсякаетъ, есть одинъ изъ такихъ источниковъ отыскать которые всего труднѣе. Кажется, что общества чувствуютъ эту истину, о чемъ можно судить по жизненности ихъ учрежденій, раздающихъ почести. Изъ всѣхъ созданий первой имперіи, единственное на которое никогда серьезно не нападали, это учрежденіе наиболѣе противоположное,—по крайней мѣрѣ, повидимому,—нашимъ порывамъ къ равенству: я говорю о почетномъ легионѣ. Что осталось намъ отъ стараго режима? Французская Академія.

Правда, когда источникъ почета, чистый и могучій въ старыя времена преобладанія обычая, показываетъ признаки уменьшенія въ эпохи моды, вслѣдствіе нивелированія и демократическаго презрѣнія, то можно замѣтить, какъ, въ видѣ результата дѣйствія тѣхъ-же причинъ, то есть, умноженія отношеній и прогресса уподобленія,—увеличиваются и разливаются потокомъ со всѣхъ сторонъ источники извѣстности и знаменитости.

Значить, если существуетъ для распредѣленія меньше почестей, то существуетъ безконечно больше славы или мелкаго тщеславія для распредѣленія между всѣми честолюбцами, которые спорятъ изъ за этой новой монеты, которая, въ концѣ концовъ, все-же благороднѣе золота.

Но избытокъ этого духовнаго минерала, гораздо болѣе способнаго къ порчѣ, поддѣлкѣ и колебаніямъ, не можетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, уравнивать разрѣженіе древняго метала, менѣе измѣнчиваго, конечно, и способнаго къ большому сопротивленію. Огромное количество соціальныхъ услугъ и наиболѣе существенныхъ, начиная съ услугъ материнства, родителей

вообще, услугъ воспитанія дѣтей, не могли-бы оплачиваться ничѣмъ кромѣ почета; и въ обществѣ устойчивомъ большая часть должностей должна отыскиваться ради почета, съ которымъ они связаны. Наиболѣе промышленныя государства не составляютъ изъятія въ этомъ отношеніи. Посмотрите на Англію: сколько должностей, не говоря уже о перствѣ и законодательномъ представительствѣ, здѣсь чисто почетныя! Возьмите какогонибудь англичанина, отца семейства: если вы будете думать о его отношеніяхъ къ другимъ народамъ, къ его иностраннымъ клиентамъ на великомъ міровомъ рынкѣ, вы скажете, что онъ поглощенъ сполна заботами о *кредитѣ* и *приобрѣтеніи*; но подумайте о его сношеніяхъ съ другими англичанами, т. е., прежде всего, со своими многочисленными дѣтьми, для которыхъ онъ совершаетъ огромныя издержки безъ малѣйшей надежды на возвратъ, далѣе съ множествомъ бѣдняковъ, т. е. тѣхъ несчастныхъ, которые содержатся благотворительными обществами, въ которыхъ онъ участвуетъ, и вы признаете, что онъ расходуетъ свои богатства чаще путемъ даренія и пожертвованій, чѣмъ посредствомъ покупокъ и спекуляцій. Повторяю, уплата деньгами есть лишь одна изъ формъ вознагражденія и не самая чистая, и не самая лучшая. Отецъ достаточно вознаграждается за свои жертвы почтительной признательностью дѣтей, какъ истинный ученый или судья достаточно вознаграждаются за свои труды почтеніемъ согражданъ. Но имъ слѣдуетъ это вознагражденіе. Такимъ образомъ (какъ это бываетъ въ эпохи, когда восторженное подражаніе современникамъ уничтожаетъ подражаніе дѣдамъ), если непочтительность дѣтей усиливается чувствительно, то, — при прочихъ равныхъ условіяхъ, — народоселеніе будетъ стремиться къ уменьшенію, что составляетъ не менѣе важную и мало замѣчавшуюся сторону этого статистическаго вопроса. Зло будетъ, кромѣ того, гораздо больше, чѣмъ въ состояніи выразить цифры народонаселенія: вѣдь, общество живетъ самопожертвованіемъ, а самопожертвованіе, какъ и всякая другая сила, требуетъ упражненія для своего развитія, а великая школа самоотверженія, ежедневное упражненіе подготовляющее къ жертвамъ для государства, лежитъ

въ управленіи многочисленной семьей. Ничто не способно столь-же широко раскрыть сердце, а разъ оно открылось для дѣтей, ему легче расширить свою симпатію и на чужихъ. Но какъ-же сердце, сѣуженное на одномъ очагѣ, можетъ въ то же время развертываться для постороннихъ? Можно констатировать, что страны съ обильно развитымъ родительскимъ чувствомъ суть въ то же время страны щедрой филантропіи и горячаго патриотизма.

Я знаю, что въ качествѣ собственниковъ виноградника или полей, засѣянныхъ хлѣбомъ, отецъ, ученый, судья, о которыхъ я говорилъ, возбуждаютъ въ тѣхъ, кому они продаютъ свое вино или свое зерно, инья чувства, чѣмъ уваженіе. Но качество собственника представляется-ли господствующей стороной ихъ личности съ соціальной точки зрѣнія? Конечно, нѣтъ. Конечно, было бы желательно, чтобы все могло оплачиваться симпатіей и уваженіемъ; и нужно стремиться къ этому идеалу, а не къ противоположному. При свѣтѣ его, ясно видно, что общество прогрессируетъ или падаетъ, сообразно съ тѣмъ, насколько оно приближается или удаляется отъ этого предѣла.

Такимъ образомъ, экономическая точка зрѣнія исключительна и недостаточна. Она требуетъ дополненія точкой зрѣнія этической къ эстетической, съ которыхъ мы и смотримъ на дѣло.

Добавимъ что слѣдуетъ дополнить все это еще и юридической точкой зрѣнія, которая нѣсколько отличается отъ предъидущей.

Что такое право и отъ чего происходитъ, что какое нибудь право, даже нарушаемое, даже лишенное санкціи и силы, не есть *flatus vocis*?

Богатство есть власть надъ дѣйствіями, надъ желаніями другихъ, даже въ томъ случаѣ, когда дѣйствія этихъ другихъ не согласны съ ихъ сужденіями о похвальномъ или порицаемомъ. Богатство есть обезпеченіе какъ законныхъ, такъ и не законныхъ наслажденій; право же есть обезпеченіе одобреній (дозволеній) дѣйствительныхъ или не дѣйствительныхъ. Если бы въ-

рованія (увѣренности) не были въ значительной мѣрѣ независимы отъ желаній, если бы убѣжденія публики *) сознательныя или безсознательныя,—не противорѣчили часто ея интересамъ, если бы можно было всегда вѣрить такъ, какъ хочется, то это различіе права отъ силы, права отъ богатства не существовало бы, не сохранялось бы. Въ этомъ источникъ и объясненіе этого различія. II, такъ какъ увѣренность, вѣра, выше желанія, какъ умъ выше воли, и продолжаетъ усиливаться еще долго послѣ того, какъ воля приходитъ въ упадокъ, и такъ какъ, наконецъ, знаніе, опытъ, наука есть заключительный моментъ дѣйствія, конечный и высшій успѣхъ жизни, то слѣдуетъ мнѣнію придать больше значенія чѣмъ факту, а праву и чести, больше чѣмъ силѣ и деньгамъ, слѣдуетъ направить обогащеніе на поднятіе новыхъ правъ и новыхъ достоинствъ, которыя даются имъ, а не стремиться къ подъему достоинствъ и торжеству права для обогащенія, которое ими облегчается.

Благодаря юридической точкѣ зрѣнія, телеологическіе вопросы переводятся въ логическія проблеммы, а согласованіе интересовъ сводится къ дедукціямъ изъ принциповъ. Полезности превращаются въ истины. Этимъ выплываетъ въ ясности и глубинѣ. Юристъ преслѣдуетъ максимумъ обезпеченности и уравненія, т. е. порядокъ, который удовлетворялъ-бы разумъ и который включалъ-бы въ себя, если не максимумъ богатства, о какомъ мечтаютъ экономисты, то по меньшей мѣрѣ, максимумъ счастья, мыслимаго моралистами.

Однако, все это еще ровно ничто въ сравненіи съ тѣмъ полнымъ освобожденіемъ (эмансипаціей) логики, освобожденной отъ всякой телеологіи, которое происходитъ отъ теоретическаго просвѣщенія общества, пропитано-ли оно догматами или питается науками, которыя, въ свою очередь, догматизируютъ. Гораздо больше, чѣмъ производство и распредѣленіе богатствъ—даже разсматриваемыхъ со стороны успокоительной, почтенной и законной,—грядущее будетъ занято самымъ обширнымъ и наилучшимъ распредѣленіемъ просвѣщенія,—я предполагаю высшее

*) Общественное мнѣніе?

просвѣщеніе, — сохраняемаго теперь только для избранныхъ, которыхъ завтра будетъ легионъ. Можно надѣяться, что, послѣ необузданнаго современнаго курса къ богатству, наступитъ очередь стремленія къ истинѣ, и она станетъ внушительной, обязательной. Вѣдь, спустя долгое время послѣ того, какъ уже не будетъ появляться новыхъ огненныхъ столбовъ, руководившихъ прежде массаи людей, т. е. новыхъ руководящихъ идеаловъ, способныхъ очаровывать воли, — въ духовномъ небѣ откроются, благодаря усовершенствованію умственнаго телескопа, новыя полярныя звѣзды, которыя дадутъ возможность ориентироваться человѣческому уму.

Но будетъ-ли въ этомъ заключаться все? Нѣтъ.

Византійскій міръ кончилъ поглощеніемъ телеологии въ соціальной логикѣ, а полезности въ соціальной истинѣ подъ религіозной формой, и хотя онъ гораздо выше другихъ по своей славѣ и даже по своей судьбѣ, но онъ далеко не исполнилъ завѣтовъ исторіи. Дѣло въ томъ, что логика какъ и телеологія, разумъ какъ и стремленіе къ цѣли (*finalité*), будутъ-ли они соціальными или индивидуальными, подчинены чему-то, что, повидимому они побѣждаютъ, но чему, на самомъ дѣлѣ, они помогаютъ, подчинены чему-то, что не есть ни вѣра, ни желаніе, но что предполагаетъ въ себѣ всякая вѣра, всякое желаніе, и что всякое упражненіе сужденія и воли очищаетъ, развиваетъ, разнообразитъ; я говорю о чисто сензитивномъ элементѣ, объ единомъ и мимолетномъ оттѣнкѣ, называемомъ внутреннимъ впечатлѣніемъ или *couleur historique* (исторической окраской), который расцвѣтаетъ, какъ самый бесполезный изъ цвѣтковъ, изъ среды полезностей и принциповъ, въ трудномъ процессѣ родовъ, и который, тѣмъ не менѣе, составляетъ ихъ послѣднее объясненіе.

Въ самомъ дѣлѣ, если вселенная состоитъ изъ повтореній и сходствъ, то для чего служили-бы и ея однообразіе, и ея гармоніи, если не для той неистощимой роскоши различій, которыя сіяютъ всюду и всегда и безъ которыхъ ея бесплодная правильность была — бы только старческимъ пережевываніемъ одного и того-же? Какой смыслъ или цѣнность была-бы въ монотонной

смѣнѣ поколѣній безъ индивидуальныхъ вариаций живыхъ существъ, въ монотонной игрѣ воздушныхъ или эфирныхъ колебаній, молекулярныхъ или звѣздныхъ вибрацій безъ различій всякаго рода, (метеорологическихъ, химическихъ), въ монотонной игрѣ подражанія даже въ самыхъ благородныхъ цивилизаціяхъ, безъ артистической оригинальности, безъ историческихъ обновленій каждаго часа и каждаго мѣста? Мои органы, мои функціи, мой специфическій типъ, извлеченный изъ миллиардовъ экземпляровъ, бывшихъ до меня, все это — для меня, для моего появленія, а не я для ихъ воплощенія; и точно также мое правительство, мои законы, моя цивилизація, все это — вещи, которыя усваиваю, какъ соціальное существо, чтобъ развернуть соціально мою врожденную индивидуальность, единственную *въ своемъ родѣ* (*sui generis*), и которыя не имѣютъ права подчинять меня за предѣлами того пункта, гдѣ они перестаютъ служить мнѣ этимъ способомъ. Отсюда можно основательно заключить, что не смотря на подготовляющійся потопъ, идущій отъ всенивелирующей демократіи и коллективизма, тѣмъ не менѣе индивидуалистическій либерализмъ не можетъ погибнуть и возродится вновь подъ болѣе высокими формами.

Количество для качества; гармонія — для различій; вѣчное для мгновеннаго, а не наоборотъ.

Реально то, что существуетъ только одинъ разъ и лишь одно мгновенье.